

ИРИНА КОТОВА
ВАЛЕРИЯ ПАНИНА

Беги,
а то заколдую!

Все добрые люди и нелюди Эринетты

Ирина Котова

Беги, а то заколдую!

«Котова Ирина »

2021

Котова И. В.

Беги, а то заколдую! / И. В. Котова — «Котова Ирина »,
2021 — (Все добрые люди и нелюди Эринетты)

«Сенсация! Сенсация! Придворный маг уходит в отставку! Вся столица замерла, гадая, кто из его помощников займет это место? Мэтрис Эбигейл Горни или мэтр Натаниэль Вудхаус? Да-да, вы не ошиблись, в состязании сойдутся наследники враждующих фамилий, эльфов Вудхаусов и гномов Горни. Пикантности этой новости добавляют слухи, что наши герои ухитрились разгневать королеву, и посему победитель получит и регалии, и почет, а проигравшему придется уйти в ссылку. Чем же закончится противостояние двух семейств? Следите за нашими репортажами!» «Вестник Веншица».

© Котова И. В., 2021

© Котова Ирина , 2021

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	9
Глава 3	14
Глава 4	19
Глава 5	25
Глава 6	30
Глава 7	37
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Ирина Котова, Валерия Панина

Беги, а то заколдую!

Глава 1

О том, что планирование – вещь зыбкая

«Сенсация! Сенсация! Придворный маг уходит в отставку!

На его место прочат сразу двух магов, фамилии которых нам хорошо известны из-за вражды их семейств. Итак, смогут ли мэтр Натаниэль Вудхаус и мэтрис Эбигейл Горни забыть о родовой вражде и работать на одной должности на благо королевы? Следите за нашими репортажами!»

Заголовок на первой полосе «Вестника Вэнишица».

– Горни!!!

Нет ничего слаще с утра, чем слышать вопль твоего соперника, застрявшего в ловушке. Это означает, что ты не зря кралась посреди ночи на манер гнома в плывуне, не зря обходила сторожевые линии и все сделала правильно. Папенька бы сейчас хлопнул дочку по плечу и одобрительно захохотал.

– Эбигейл Горни!!!

Вышеназванная Эбигейл Горни вышла на крыльцо и удовлетворенно сложила руки на пышной груди. Вопли, ласкающие слух, доносились из двора дома напротив.

В доме этом жил эльф Натаниэль Вудхаус. Красавец с копной белокурых волос, бывший однокурсник, Белоручка и самая невыносимая ироничная заноза. Он же второй помощник придворного мага. Первой себя считала Эбигейл.

Правда, Вудхаус совершенно возмутительно называл первым себя.

Жилища помощников придворных магов располагались в домах на окраине дворцового парка, разделенные лишь дорогой, ведущей к месту службы. Королева терпеть не могла толп придворных во дворце, предпочитая в свободное от службы время держать их подальше.

Все дома придворных были однотипны, но маги любили переделывать места обитания под свои вкусы. Именно поэтому жилище Эби смотрелось таким же приземистым и ярким, как она сама: один этаж, зеленые стены, желтые ставни, красная крыша в цвет ее волосам, плавильная печь на улице, кузня, сарайчик с металлами и минералами, охраняемый почище покоев королевы.

А дом Вудхауса выглядел как маленький белокаменный дворец, увитый лозой – непрактичные колонны, лепнина, высокие окна, светильники по всему фасаду. Недавно эльф и вовсе украсил дорожку статуями полуобнаженных пышных русалок. Богема, что с него взять. Сейчас в государстве Эринетта царил лето, и теплыми вечерами Натаниэль просиживал с гостями под деревьями в креслах или качелях из лозы, играл тонкими пальцами на гитаре, пел песни – от тягучих эльфийских до похабных оркских – и хлестал вино.

Впрочем, этим он занимался с первого курса магической академии, хотя, по слухам, в эльфийских семьях нравы царили самые чопорные. Видимо, он так отрывался. И, что самое противное, наутро выглядел свежим и ярким как роза, когда самой Эбигейл достаточно было выпить чуть больше воды на ночь, чтобы с утра казалось, что возлияния были у нее.

Только вселившись, в первую же пьянку Вудхаус заявился к ней с двумя бутылками вина.

– Горни, – сказал он в своей неподражаемо-высокомерной манере, – я уже здесь и нам с тобой предстоит работать вместе, как бы тебе это ни претило. Предлагаю закопать стрелу войны и наладить отношения, несмотря на все прошлые обиды и противостояние семей. И даже на мою ссылку в деревню Гнилые топи, хотя, признаться, я только недавно перестал хотеть притопить в этих топях тебя. Присоединяйся к нам, – он качнул головой в сторону своего дома, где сидели его дружки и подружки. – Я угощу тебя лучшим эльфийским вином, – и потряс бутылками.

Она, конечно, была бы душой, если бы поверила в это предложение. Во-первых, когда это Вудхаус отказывался от мести, а во-вторых, достаточно того, что пару раз в академии при согласии даже не на примирение – на нейтралитет – ее выставляли посмешищем. Благо, крепкий гномий кулак и отличное знание магии – хорошие средства против излишне смешливых.

– Оставь его себе, неженка, я пью только гномий самогон, – Эби хлопнула дверью, едва не отбив великолепный эльфийский нос. А затем, подумав, мстительно наслала на дом новоиспеченного коллеги грозу с градом и молниями. Пока Вудхаус сумел расформировать ее плетение, град побил стекла, бутылки и многочисленных гостей.

На следующее утро на Эбигейл по пути на работу разлезлись штаны – а наковальня стала выводить сладкие эльфийские трели при каждом ударе. И второе было куда хуже первого, потому что довело ее до белого каления.

Так продолжилось их противостояние, которое началось еще в магической академии. А если уж говорить прямо, то много-много раньше.

Теперь одна из грудастых каменных русалок страстно прижимала хозяина руками к своим пышным персям, обвив его ноги хвостом, и он мог лишь слегка повернуть голову.

– Я тебя убью, – прочитала Эби по его губам и, хмыкнув, поманила соперника к себе ладонью, как боец перед дракой. Натаниэль было дернулся – но каменная дева сжала объятья крепче.

В академии их опасались ставить друг против друга на занятиях, но с десятков раз они все же валяли друг друга по земле – и, к сожалению Горни, счет был равным.

К Эбигейл полетел рой сердитых пчел: эльфы могли управлять живыми существами и будучи спелёнатыми по рукам и ногам. Но будущая придворный маг королевы (и никак иначе!) махнула рукой, замораживая полосатиков, повисших сердитыми мохнатыми желудями – потом оттают, согреются и полетят по своим делам. И тут же насторожилась – часы на городской ратуше били восемь утра.

Через двадцать минут нужно быть у кабинета придворного мага, магистра Корнелиуса Фрая, который в этот знаменательный день уходил на покой и должен был назвать преемником ее, Эбигейл. А заодно вручить все регалии и амулеты, с которыми она завтра пойдет на прием в свою честь и принесет клятву королеве. Правда, сам почтенный магистр пока не знал, что преемница у него будет только одна, и планировал разделить должность между Горни и Вудхаусом.

Ужасная ошибка наставника, которую, впрочем, легко исправить. Ибо магистр Корнелиус смотрел сквозь пальцы на все: и на ссоры помощников, и на излишнее рвение в работе, и на их соперничество, приговаривая, что из духа противоречия они только лучше работают. Не терпел он только двух вещей – непрофессионализма и непунктуальности.

– Чудесно смотрите, Нат, – крикнула Эби через плечо, поспешно закрывая дверь своего домика. Перед тем как шагнуть с крыльца, она проверила и дорожку, и окружающий сад на предмет встречных ловушек – не ей же одной могла прийти светлая идея задержать противника, – но ничего не обнаружила и неторопливо, придерживая длинную юбку, пошла к воротам. В королевстве Эринетта женщины давно имели право носить брюки (а как тут запре-

тишь, когда в стране проживает такая гремучая смесь рас), но сегодня был важный день, и Эби хотелось предстать перед магистром во всей красе.

– Неужели ты думаешь, что если я опоздаю, ты одна получишь должность? – проорал Натаниэль из каменной ложбинки.

Эбигейл улыбнулась еще шире – чтобы он видел, что она в этом абсолютно уверена, – и потянулась к калитке. Но стоило шагнуть за нее, как лоза, увивающая забор, выстрелила в сторону гномки длинными ветвями-усиками, оплетая руки и ноги и растягивая в проеме ворот, как морскую звезду.

– Вот же ж... окалина! – выругалась Эбигейл, слишком поздно заметив хитро замаскированное заклинание. Чересчур сложное, чтобы быть наложенным прямо сейчас. Значит, Белоручка тоже постарался ночью!

– Приятное чувство, да, Эби? – Натаниэль тонко улыбался, возложив кудрявую голову на одно из двух пышных каменных полушарий.

– Чтоб тебе кирка на палец упала, – рявкнула леди Горни, безуспешно дрыгая ногами.

– Обожаю твои гномские ругательства, – заметил эльф. Им приходилось повышать голос, чтобы докричаться друг до друга через дорогу.

– Чтоб твое зубило всегда било мимо! – не разочаровала его Эби.

– Давай оставим в покое мое зубило, – протянул Вудхаус насмешливо. – Да не дергайся, Горни, чем больше дергаешься, тем больше они стягиваются. Кстати, как ты смогла попасть на мою территорию? И перенастроить охранниц? Это все ваше гномье повеление камнем? Но я ведь все защитил от чужих чар!

– Так я тебе и рассказала, – хмыкнула она. Но Натаниэль уже смотрел куда-то в сторону.

– О, приветствую вас, милые дамы. Какая прелестная у вас форма.

– Здравствуйте, – поздоровалась Эби, делая вид, что просто так тут висит, для развлечения.

Мимо них, хихикая, торопились к дворцу молоденькие поварихи, гоблинши и людинки, чтобы заступить на дневную смену. Следом величаво шествовала главная кухарка, орка мейсис Лизабёта. Она с неодобрением повернула клыкастую голову сначала направо – Эби сделала еще более независимый вид, – затем налево. Вудхаус улыбнулся.

– А у вас самая прелестная из всех, мейсис.

– Когда уже вам надоест, – укоризненно покачала головой кухарка и неторопливо двинулась дальше.

– Никогда! – ответили они хором. Эбигейл скривилась. Драгоценное время уходило.

– Ну что, – позвала она, морщась. – У нас позиционная ничья, Белоручка. Предлагаю мировую на это утро.

– Снимаем заклинание на счет три? – уточнил эльф деловито.

– Договорились. Раз, – сказала Эбигейл. – Два. Три! – она деактивировала заклинание на русалке и Натаниэль со стоном повалился на землю. Однако лоза продолжала держать Эби за руки и ноги.

– Ты ничего не забыл? – крикнула гномка.

– Ты о чем? – невинно спросил эльф и поковылял, подволакивая ногу, к калитке. Видимо, русалка сжала одну из великолепных лодыжек слишком сильно.

– Вудхаус! – Эби добавила в голос угрозы. – Если ты сейчас же меня не отпустишь, я тебе кости раздроблю на наковальне! И зубы клещами вырву!

– Надо было тебе и рот завязать, – откликнулся он сожалеюще, ковыляя мимо, в сторону дворца. Затем остановился, спохватился, хлопнув со смешком себя по лбу, и прошептал целебное Слово. А после легко пошагал занимать ее, Эбигейл, должность, отразив проклятье, которое она послала ему вслед.

– Поверить не могу, что попалась, – прошипела она, пытаясь вывернуться. Лоза затягивалась ту же.

«Дщерь моя, – вспомнила Эби наставительный бас отца, – слушай папу, папа плохого не посоветует. Запомни, гномы никуда не торопятся и не суетятся. Безвыходных ситуаций не бывает – главное-таки вовремя остановиться, успокоиться и подумать».

Она, как послушная дочь, перестала дергаться и подняла глаза к небу. Там решения не нашлось. Тогда она опустила взгляд к земле – и просветлела.

Следующие минуты три Эби, засунув злость и страх опоздать поглубже, аккуратно растила из булыжников, которыми была выложена дорожка, два тонких каменных клинка. Ноги удалось освободить быстро. Вудхаус уже давно скрылся из вида и уже, скорее всего, входил во дворец, когда клинки достигли лозы, опутавшей руки, и перерезали и ее.

Надо бежать, иначе она точно не успеет. Эбигейл шагнула вперед, но ноги запутались в длинной юбке. И нужно же было надеть ее сегодня! Времени переодеться не оставалось, и леди Горни, задрав юбку, одним движением рук, натренированных работой в кузне, оборвала ее выше колен. Сильно выше, если уж честно, но это было случайно-нервное.

Склонив голову на манер разъяренного быка, Эбигейл помчалась к дворцу.

Глава 2

О том, как можно заиграться и проиграть

«Наш источник во дворце сообщает, что сегодня избранная публика имела возможность полюбоваться весьма смелым нарядом мэтрис Эбигейл Горни. А поскольку в этом сезоне мужчины носят экстремально узкие брюки, и мэтр Натаниэль Вудхаус неизменно следует моде, смеем вас заверить, что магические дела королевства находятся не только в надежных руках, но и прочно стоят на красивых ногах любого из двух магов».

Еженедельник «Мода и красота».

Ее величество Миррэй Вторая в свои пятьдесят пять лет была королевой строгой, справедливой, не лишенной воспитательного рвения и несколько своеобразного чувства юмора. Двое принцев сейчас проходили службу в королевских войсках далеко от столицы, супруг скончался несколько лет назад, оставив королеву на троне, страна процветала, правительницу льстиво величали Матерью Эринетты и Кормилицей. В общем, скука была смертная.

Немного оживил настроение ее величества предстоящий уход придворного мага. Королева терпеть не могла, когда у людей и нелюдей, к которым она была привязана, обнаруживались еще какие-то интересы, кроме государственных. Именно поэтому она с утра прошла тайным ходом (так было быстрее) в кабинет магистра.

– Я все еще не понимаю, почему я должна привыкать к новым лицам, Корнелиус, – нарочито сварливо говорила она, сидя за столом верноподданного и аккуратно пригубивая чарочку вина. Королева считала, что красное мельтийское после завтрака придает румянца щекам и задора характеру.

В предках Миррэй были преимущественно люди, но аристократы других рас там тоже потоптались, хотя, скорее, полежали, оставив потомству память о себе. Особенно постарались орки, передав по наследству светлую кожу слегка зеленоватого оттенка и сделав нижнюю челюсть заметнее, а нижние клыки – побольше обычных. Глаза у ее величества были серые, волосы светлые – в кого-то из эльфийских прашуров, фигура сухощавой и высокой, так что немного краски на щеках ей действительно не вредило.

Тем более что по меткому замечанию какого-то стихоплета, пожелавшего остаться неизвестным, румянец на щеках королевы прелестью своей напоминал нежные розы на весенней листве. Миррэй даже сохранила это посвящение, так ее позабавили неловкие, но очень красочные метафоры.

А вот задора ей и без вина хватало. Например, ее величество любила тайные ходы не только за скорость передвижения, но и за то, что можно было, например, незаметно пройти в свой кабинет – и попивать вино, наблюдая в большом магическом визоре, а иначе хрустальном шаре, как ведут себя посетители в приёмной. Визоры настраивались на одно помещение или несколько и были превосходной системой слежения, а также использовались для общения, передачи новостей, театральных представлений и концертов. Такой же визор был установлен и на столе Корнелиуса.

– Не такие уж лица Горни и Вудхауса и новые, ваше величество, – терпеливо, но упрямо отвечал придворный маг, тоже по настоянию королевы греющий в ладони чашу с вином. – Вы их уже третью весну имеете удовольствие лицезреть. Поделите обязанности, будет у вас два молодых придворных мага вместо одного старика.

– Ты младше меня на три года, – сухо напомнила королева.

– Вы с годами становитесь только прекраснее, – ушел с зыбкой почвы магистр. – А вот я уже весь седой, – и магистр Корнелиус потер по-армейски гладко выбритый подбородок, словно надеялся найти там седую бороду, а затем коснулся черных как смоль волос.

– Я все еще воспринимаю твое увольнение как блажь, – сурово продолжила Миррей. – Как жаль, что я не так сумасбродна, как мои предки. Может, кинуть тебя в темницу, пока ты не одумаешься, Корнелиус?

– Как пожелаете, ваше величество, – улыбаясь, склонил голову магистр.

– Увы, я просвещенный монарх, – вздохнула Миррей и требовательно постучала по чаше, чтобы Корнелиус подлил вина. – Вчера открыть железную дорогу, позавчера – посетить завод по сбору паромобилей, а сегодня бросить соратника в тюрьму – это дурной тон.

– Я очень ценю это, ваше величество, – поддакнул магистр и охотно наполнил чашу.

– Но я требую объявить мне истинную причину твоего увольнения. Пока я не услышала ни одной, кроме твоей предполагаемой дряхлости. Которая не мешает тебе каждое утро на полянке перед дворцом сидеть, сплетя ноги...

– Медитировать, ваше величество.

– Скручиваться кренделем так, что можешь укусить себя за ...

– Я понял, ваше величество. Это синская гимнастика. Поза собаки, у которой чешется хвост.

Королева с каменным выражением лица выпила половину чаши.

– На дряхлую собаку ты не похож, – резюмировала она. – Так каковы истинные причины?

– Причины личные, – Корнелиус полюбовался, как на щеках королевы расцветает румянец, поколебался и одним махом закинул в себя остатки вина. – Я ведь жениться хотел, ваше величество. Но, увы, не выйдет. Хочу залечить разбитое сердце.

– О, – она оживилась. – Жениться – это любопытно. На ком?

– На самой прекрасной женщине в мире, – грустно ответил магистр и покосился на бутылку.

– Неужели я лицезрею тебя влюбленным? – с азартом сверкнула глазами королева. – Я уж, грешным делом, думала, что придворные бездельники правы и у тебя травма какая-то личная.

– Какая травма? – несколько нервно отреагировал Корнелиус.

– Личная, – королева говоряще подняла брови. – Версий несколько. Первая сплетня звучит так – возможно, какое-то из побежденных тобой чудищ шелк пастью... и все. Нет больше верного клинка...

– Клинки? – непонимающе повторил маг.

– Ну, жеребца, Корнелиус, – вновь поиграла бровями ее величество, в крови которой задор наконец-то достиг нужной концентрации. – Прибора, который некоторые мои придворные кладут на свои обязанности.

– Ваше величество! – еще более нервно возмутился магистр. – Все у меня в порядке и с клинками, и с жеребцами, и с приборами! Все наточено, тьфу, работает, прости Пряха, как в юности! И при всем почтении, мои возможные травмы – мое дело.

– Травмы моего придворного мага – это государственное дело, – торжественно возразила королева. – Хочешь выслушать вторую сплетню?

– Не хочу, но придется, – проворчал магистр, немного успокоившись.

– Говорят, что ты играешь за другую лигу. Я сама, признаться, так думала последние годы. И не только я – зря ты все-таки главного виночерпия превратил в осьминога. Ну, сделал он тебе предложение... в осьминога-то зачем?

– Всего на полгода, – буркнул Корнелиус.

– Да, с восемью щупальцами ему даже ловчее пиры обслуживать, – согласилась королева и задумчиво потрогала языком нижний клычок, – и вино из запасов перестало пропадать. Да и гости меньше пьют от испуга, опять же экономия. Может, оставить его так?.. Но, – спохва-

тилась она, – все же я ни разу не видела тебя с женщиной. Право слово, Корнелиус, ты преподаватель, бывший ректор, боевой маг, герой, наград целая грудь. Да за твои плечи можно женские бои устраивать, как в Оркском каганате, – глаза ее на миг блеснули боевым азартом прабабки-принцессы из Каганата, словно королева всерьез задумалась над этой идеей и нехотя отменяла ее. – А ты с женщинами застенчив, как мой почивший супруг с пятой бутылкой. Ты даже на меня украдкой не поглядываешь, а я ведь прелестна.

– Несомненно так, ваше величество, – вполне искренне промямлил маг, с тревогой глядя на убывающее вино в бутылке. – Я просто много работаю и предпочитаю не афишировать свои увлечения.

– А кто невеста? – словно невзначай поинтересовалась королева. – Почему жениться-то не выйдет?

– Невесты у меня нет, ваше величество, ибо дама не в курсе и за меня замуж не пойдет, – проигнорировал суть вопроса магистр.

– Я прикажу ей выйти за тебя! – непререкаемо заявила Миррей.

– Никак невозможно, ваше величество, – еще более помрачнел магистр. – Она связана долгом.

– Замужем? Тогда действительно не выйдет. А дети есть?

– Двое. Взрослые уже мальчики.

– О, как у меня, – обрадовалась королева. – Как же тебе помочь? Разве что муж у нее негодяй?

– Нет, – покачал головой Корнелиус. – Муж у нее б... добродушный, слегка ленивый, любитель детей, охоты и выпить.

– Прямо как мой Густав, светлая ему память, – расчувствовалась королева. – Значит, дама твоя обременена долгом.

– И слепа, – заключил Корнелиус, пристально глядя на правительницу.

– Еще и калека, – посочувствовала ее величество, уже думая о чем-то своем. И с понимающей улыбкой протянула магистру руку через стол. – Я понимаю тебя, мой друг. И больше не сержусь. Тебе нужно отвлечься. Развеемся. Вылечить сердце, – она погладила его пальцы и поднялась. Магистр тяжело вздохнул. – Уезжай, но знай, что твои покои никто не займет, и ты всегда можешь вернуться. А теперь мне пора. Жду завтра на прием и клятву твоих оболтусов. Надеюсь, они будут хотя бы вполовину так же верны и полезны, как ты.

– Они еще и талантливы, ваше величество.

– В их талантах я не сомневаюсь и много раз наблюдала его в действии. Но я согласилась иметь их подле себя еще и потому, что они так нелепо смотрятся рядом, что это даже забавно, – усмехнулась Миррей. – А еще развлекают меня своим противостоянием, как и их семьи. Главное, чтобы не увлекались.

В этот момент в приемной что-то гроыхнуло, стукнуло о двери в кабинет. Раздались крики, из-под створок потянуло холодом.

Корнелиус поднял глаза к потолку и выругался. Королева же невозмутимо стянула накидку с закрытого доселе магического визора.

– Кажется, мое пожелание не увлечься запоздало, – заметила она, разглядев то, что творится в приемной. – Хотела бы я надеяться, что это злодеи пришли меня свергать, неведомым образом узнав, что я у тебя. Ан нет, это два моих будущих придворных мага, одни из первых лиц страны, прямо перед назначением выясняют отношения. И часто это тут происходит?

Корнелиус вздохнул и распахнул двери.

Несколькими минутами ранее Эбигейл Горни влетела в приемную магистра. Вудхаус смиренно восседал на кресле подле открытого окна. Ягненок, а не поденок!

– Ждите назначенного времени, – скрипуче и скучно повелела бессменная секретарь Корнелиуса, мейсис Джонсон. Окинула взглядом короткую рваную юбку Эби, поджала губы и склонилась над бумагами. Нужно было прочесть и рассортировать прошения к магам от всех служб дворца.

Но даже будь она личным драконом магистра, не смогла бы остановить гнома на тропе мести.

– У тебя, оказывается, отличные ножки, Подковка, – заинтересованно оглядел гномку Вудхаус. – Плотноваты. Но какой рельеф! А я-то думал, что они кривые, как твои боевые заклинания...

Эбигейл прямо с порога махнула рукой, и эльфа вместе с креслом выбросило в окно, далеко за деревья. Мейсис Джонсон, склонившись над бумагами, ничего не заметила – возможно, потому, что привыкла к постоянным стычкам этих двоих. Но скорее из-за того, что была глуховата от старости – магистр держал ее из сентиментальных побуждений.

Эби чинно прошла ближе к двери и села на кресло, поспешно запуская ремонтное заклинание и молясь, чтобы магистр вызвал ее после того, как платье приобретет нормальный вид, но до того, как вернется Вудхаус. Но ей не повезло – эльф, лишь слегка взъерошенный, невозможно зашел обратно в дверь.

– Ну ты и зараза, Киянка, – даже как-то устало сказал он. Почесал острое ухо, сделал обманное движение, будто собирается кинуть на нее заклинание-клетку, а затем, когда она среагировала, чтобы отбить – заставил подлокотники кресла сомкнуться у нее под грудью, надежно фиксируя... А потом кресло встало на дыбы, словно взбесившаяся лошадь, и буйно, шарахаясь из угла в угол и пугая придворных, поскакало из приемной сквозь распахнувшиеся двери по коридору к выходу. Эбигейл, ругаясь, делала пассы руками, но кресло только скачками несло быстрее, словно получая хлыстом по крупу.

Натаниель брезгливо почесал щеку и потер испачканные руки одну о другую – у него, как у любой творческой личности, были фобии. Например, прикосновение к пыли и грязи вызывало ступор, страх и необоримое желание почесаться и вымыться. Прислушался – в глубине дворца раздался грохот – вздохнул и быстро очистил руки заклинанием. Предусмотрительно поставил на секретарскую полог тишины, чтобы не привлекать внимание охраны, а на себя – защиту от всех видов атакующих заклинаний. И на всякий случай – от физического урона, ибо кулаком малявка Эби била, как кувалдой.

Секретарь подняла голову, недоуменно огляделась, посмотрела на часы, которые показывали восемь часов пятнадцать минут.

– А где леди Горни? – недовольно осведомилась она.

– Ушла попудрить носик, – вежливо проорал Вудхаус, и мейсис Джонсон, кивнув, снова опустила голову к бумагам.

Грохот повторился, двери распахнулись – Горни, сжимая в руках два вырванных подлокотника кресла, сделанного из цельного дуба, сначала швырнула ими в эльфа, а затем с боевым гномским кличем «Эхху-так-так!» бросилась на противника.

Мейсис Джонсон писала, а секретарская превращалась в развалины. Вот отлетел от удара воздушным кулаком Вудхаус, ударившись спиной о двери кабинета, вот приморозилась к потолку Эбигейл. Секретарь только чихнула, недовольно поежилась и продолжила писать. Глухота – лучший полог тишины, знаете ли.

Вот пахнуло жаром, а из стен стали выпрыгивать камни и стрелять по эльфу, как по утке в полете. Натаниэль соответствовал – прыгал туда-сюда, ухитряясь отбивать их обратно и пытаясь воззвать к разуму разъяренной противницы. Впрочем, это было невозможно: гномы легко распалялись и с большим трудом возвращались к спокойствию. В отличие от эльфов, которые даже в драке были невозмутимы и сохраняли рассудок.

– Горни, – уговаривал он, – остановись! Сейчас придет магистр, и нас обоих выгонят со службы!

– Ну и пусть, – пыхтела гномка, раскручивая в руке огненный шар, – зато я больше не увижу твоей слащавой физиономии!

– Наши семьи будут опозорены!

– А ты думал об этом, когда оставлял меня в лозе?

Столкнулись два воздушных кулака, рухнула люстра.

– А ты – когда ставила ловушку на русалку?

– Это была превентивная мера! – крикнула Эби, отбиваясь. – Я знала, что ты захочешь меня остановить! Разве не ты, чтобы стать первым, поставил мне подножку, когда я сдавала полосу препятствий на экзамене на пятом курсе?

– Это была случайность, – высокомерно огрызнулся Натаниэль. – Сейчас же я подозревал, что ты ночью подстроишь гадость – разве не ты подменила мое распределение во дворец? Я полгода отпахал в деревне Гнилые топи, пока Корнелиус не разобрался!

– Не я, а отец без моего ведома, – зашипела Эбигейл. – В любом случае я была лучшей на курсе! Я сидела и училась, пока ты гулял и пил!

– А ты завидуешь, что я талантливее и мне все давалось легко? И не нужно было высисывать знания задницей, как тебе?

– Это называется усердие! – фыркнула Эби. – И поэтому я должна быть тут единственной помощницей! Но один Белоручка поплакался папочке, и впервые за сотни лет во дворец распределили двух выпускников!

– Ты прекрасно знаешь, что это не так, – ледяным тоном отозвался Натаниэль, уворачиваясь от удара. – Я был вторым на курсе после тебя, и только из-за непереносимости некромагии. У нас разница в одну десятую балла. Папа тут ни при чем. И не называй меня Белоручкой, Шестеренка.

– Ты назвал меня землеройкой на первом курсе!

– Я был пьян, а ты порвала мне штаны.

– Потому что вы достали залезать по моему окну к своим пассиям!

– О, Пряха! Все Горни – мнительные и психованные.

– Все Вудхаусы – подлые негодяи!

Глава 3

О том, что за соперничество нужно платить

«Весь магический мир замер в ожидании перемен. Стабильность и мощь, олицетворением которых является мэтр Корнелиус Фрай, уходит в прошлое. На смену им приходят хаос и разрушения. Имена их, увы, всем хорошо известны».

Из передовицы газеты «Магическая правда».

Вудхаус покосился куда-то и замолчал. И Эби, развернувшись, замолчала тоже, комкая в руках шипящий огненный шар.

А затем склонилась в поклоне рядом с противником.

В наступившей тишине осыпалась штукатурка и особенно громко был слышен скрип пера секретаря по бумаге. Она голову так и не подняла.

– И часто это здесь происходит, магистр? – ледяным голосом поинтересовалась королева.

– Нет, что вы, ваше величество, – очень фальшиво попытался оправдаться Корнелиус. – Первый раз, мои помощники переволновались...

– Мне очевидно, что эти двое не могут работать вместе! – прервала его правительница.

– Но в стране нет магов сильнее их, – напомнил Корнелиус, взглядом обещая помощникам веселую жизнь. Его отставка на глазах растворялась.

– Боюсь, если я отдам им обоим должность, то через неделю и страны не будет, – королева еще раз гневно осмотрела приемную. – Придворный маг – это одно из первых лиц страны. Он не может вести себя, как идиот или младенец! Он должен вести себя... как вы, магистр.

– Да, ваше величество, – смиренно ответил маг. Провинившиеся напряженно молчали, осознавая, что натворили.

– Фактически, – еще суше проговорила Миррей, – их поведение можно расценить как покушение на мое величество. Неисполнение своих обязанностей по защите королевы. И пусть они не знали, что я здесь, это не оправдание! Я задаю вопрос – а не было ли это предумышленным покушением? Может, семьи Вудхаус и Горни сговорились?

– Ваше величество! – умоляюще воскликнула Эби. – Секиры Горни сотни лет защищают Эринетту от врагов!

– А Вудхаусы тысячу лет верны Эринетте и питают ее поля, – ревниво, но почтительно вмешался Натаниэль.

– Молчать! – повелела королева.

Магистр с сомнением покачал головой, глядя на еще ниже опустивших головы помощников, которых он знал еще по магической академии, где успевал вести курс боевой магии. Собственно, он и настоял, чтобы оба отпрыска самых родовитых семейств Эринетты стали его помощниками. И чтобы жили при дворце, вне постоянного влияния своих семей, тоже устроил он. Магистр очень удивился, когда в первый день Эбигейл Горни явилась одна, а от Вудхаусов пришло письмо, что их сыну должность не нужна, он уехал в родовое лесное поместье и вернется через несколько лет. Хорошо, что вышло разобраться. Плохо, что не вышло помирить их за два года.

– Что вы скажете, магистр? – поинтересовалась Миррей. – Казнить их? Отправить в ссылку – принимая во внимание заслуги их семей? Посадить в подземную тюрьму?

Вудхаус дернул плечами.

– Или сослать чистить конюшни?

Теперь уже вздрогнула Горни.

– Они просто слишком эмоциональные молодые люди... эмоции заставили их совершить глупость, – проговорил Корнелиус, взглядом отправляя помощничков на корм крококустам.

– И пока не поумнеют, не могут быть придворными магами, – отрезала королева, выжидательно уставившись на магистра. – Не думайте, что я не слышала о прошлых выплесках эмоций этих... молодых людей. Они были даже забавны. До поры до времени, пока не превратились в глупость.

– Так может... вы вашей милостью поможете им поумнеть? – неуверенно попытался угадать маг, и по одобрительной улыбке понял – угадал.

– Не знаю, – холодно произнесла Миррей, – стоит ли давать им шанс и тратить на них моё время и мою милость.

– Пожалуйста, ваше величество, – горько вздохнула Эби. – Я прошу прощения!

Вудхаус склонился еще ниже.

– Я очень виноват, ваше величество...

– Ну хорошо, – величественно решила королева. – Ваше возмутительное поведение показало, что придворным магом может быть только один из вас. Вы не способны работать вместе. Мы устроим испытания! Вот вам мое решение: до завтрашнего приема каждый из вас должен придумать другому самое тяжелое задание из возможных, при условии, что оно принесет пользу государству. Каждый из вас пройдет предложенное другим испытание и если вы справитесь оба – завершим ваше соревнование публичной магической дуэлью на королевской арене. Порадуем народ и газетчиков. Кто победит, тот и останется во дворце, а второй должен будет уехать из столицы. Сейчас же велю подготовить приказ и изменить регламент завтрашнего приема: на нем я повторю все это для прессы. А теперь, – королева обратилась к провинившимся, – прочь с глаз моих, пока я не передумала! Ну а ваша отставка, Корнелиус, – усмехнулась она, – откладывается.

* * *

– Может, нужно было все же сослать, для вразумления? – задумчиво проговорила королева, когда отпрыски двух могущественнейших семей королевства поспешно скрылись из приёмной.

– Сослать всегда успеете, ваше величество, – напомнил магистр.

– Это да, – согласилась Миррей. – А пока повеселимся.

* * *

Как и в любом мужском клубе, в «Королевской перчатке» пили огненный брэннвин, говорили о политике, женщинах и ставках. С тех пор, как прадед почившего короля Густава, его величество Коламбэн отменил рыцарские поединки и запретил дуэли – кроме магических – благородным лердам не оставили иной, кроме пари, возможности показать свою доблесть.

Такой повод, как магический поединок между отпрысками Вудхауса и Горни, да ещё и место придворного мага в качестве приза, вызвал небывалое оживление и даже ажиотаж среди завсегдатаев. Сами Горни и Вудхаусы были членами разных клубов, а «Перчатка» считалась нейтральной территорией для аристократов всех рас, и поэтому перед клубом стояли десятки карет, а также только-только появившихся паромобилей, верховых эльфийских лошадей и оркских ящеров, в том числе крылатых. Оборотни были сами себе транспортным средством и предпочитали прибегать на своих четырех.

Лерд Ригби, бессмертный, нет-нет, бессменный Президент клуба – впрочем, бессмертный тоже прекрасно бы подошло, поскольку никто не знал, сколько ему лет – торжественно объявил, опираясь на свой столь же древний, стол.

– Досточтимые лерды! Я буду немногословен. Мне одному из первых в королевстве стало известно: место магистра Фрая займет только один из кандидатов, а не оба помощника, как планировалось. Итак, лерд Натаниэль Вудхаус и леди Эбигейл Горни! Для меня совершенно ясно, что выбор очевиден, – он покхекал с тонкой улыбкой опытного царедворца.

– Да! – подтвердил гном-лерд Мапонус так убедительно, что окружающим показалось, что прямо в зале выстрелила пушка. – Да здравствует малышка Эби – следующая магистресса Эринетты!

Высокий, тонкий, как виселица, и такой же обаятельный эльф-лерд Холлбджорн презрительно хмыкнул.

– Магистр Эринетты – девица, да ещё... – он не успел договорить, как лерд Мапонус грохнул сапогами, вскакивая из кресла.

– Ты! Не хочешь ли ты сказать что-то дурное про леди Эбигейл, мою близкую родственницу, дочь четырехюрдного кузена моей жены по дядиной линии? Или ты, лерд эльф, имеешь что-то против всего гномьего племени? – судя по тону, достойный гном нисколько в этом не сомневался.

Затевалась знатная потасовка, и лерды тут же ставили на: вероятность потасовки, победу одной из сторон, ничью.

Лерд Холлбджорн полюбовался своими острыми, как у всех эльфов, ногтями, незаменимыми помощниками в драках.

– Я хочу только сказать, любезный лерд Мапонус, – скучающе протянул он, – что лерд Натаниэль, сын высокопородного Триггвизля Вудхауса, превосходит Эбигейл Горни в мастерстве также, как любой самый низкорослый эльф в росте превосходит самого высокого гнома...

Гном, которому треклятый эльф наступил на две мозоли сразу, нашарил секиру и не метнул её только потому, что за этим следовало исключение из клуба.

– Если в чём эльфы и превосходят гномов, то только в подлости, хитрости и тупом высокомерии!

Если бы лерд Холлбджорн мог проткнуть оппонента взглядом, гном походил бы на дуршлаг, у которого внезапно выросла борода. Но вытащить клинок эльф не решился, опять-таки из-за нежелания оставить клуб навсегда.

– Лерды, лерды, – прошуршал Ригби, с удовольствием оглядывая две противостоящие в прямом смысле слова партии: вокруг противников сплоченно встали эльфы, гномы и сочувствующие той или иной стороне люди и аристократические представители других рас, коих в Эринетте проживало немерено. – Прошу вас соблюдать правила клуба, – он поднял руку и без всякого перехода провозгласил: – Ставлю пять эрингов на Вудхауса и пять эрингов на Горни!

Какое-то время собрание напоминало лягушачье болото по весне – все орали, выли, рычали (в зависимости от расы) и надувались спесью. Двое слуг обходили лердов со старыми винными мехами, в которые по традиции опускали деньги, и споро записывали ставки на свиной коже – считалось, что записанные именно на ней ставки непременно выигрывали. То, что все ставки писались на свиной коже, а выигрывали, разумеется, не все, признавалось несущественным.

– Десять тысяч эрингов на Вудхауса, конечно, – высокомерно объявил лерд Холлбджорн, опуская деньги в мех. По залу пробежал сдержанный гул – на такую сумму можно было купить неплохой особняк в пригороде.

Лерд Мапонус швырнул слуге кошель и объявил:

– Тридцать тысяч эрингов на Горни! – и ехидно припечатал: – Не слишком-то ты уверен в своём блондинчике, раз ставишь такие гроши!

Не успел налившийся кровью Холлбджорн что-либо сказать, как слуга по молниеносному знаку Ригби выкрикнул фальцетом:

– Ставки сделаны! Ставок больше нет!

Удачные, как все надеялись, ставки запивали брённвином, заранее торжествующе глядя на противную сторону.

Следует сказать, что Эринетта была не самым большим, но и далеко не самым малым и последним по значимости государством в мире. Страна была окружена множеством соседей – в одних сосуществовали разные расы, другие были почти мононациональны. Среди последних можно упомянуть русалочью Перловицу у морской границы, Оркский каганат на востоке, гномский Минагор и Весницу оборотней с севера и эльфийскую Чашу на западе. В Эринетте же люди, гномы и эльфы, прочие расы, а тем более их потомки, жили мирно и в разной степени счастливо. В столице, Веншице, так и вовсе никто не обращал внимания на клыки или хвосты, был бы человек хороший. Вражда между Вудхаусами и Горни проистекала вовсе не из-за их происхождения, а по вполне материальной причине.

Лет четырёхста тому назад далёкие предки нынешних лердов были учениками у одного дракона. Драконы, сейчас то ли вымершие, то ли куда-то удалившиеся, тогда были повсеместно распространены, поскольку были весьма плодовиты, если удавалось похитить принцессу, конечно. С простолюдинками или купеческими дочками это племя почему-то размножаться не спешило. (Злые языки говорили, что это потому, что короли всегда имеют монополию на чеканку золотой монеты, а это единственное, ради чего стоит иметь дело с женщинами не своей расы).

Но как бы то ни было, драконы слыли знатоками руд и первыми среди разумных существ научились плавить металлы в жерлах действующих вулканов. Кроме того, они владели магией, пусть не похожей на ту, что подвластна обычным магам, и могли научить имеющих способности основам колдовства.

Именно Виаэль Вудхаус и Грагор Горни, пройдя обучение у дракона и вернувшись в Веншиц, создали магический визор. Горни изобрёл специальный сплав, которым покрывали придуманные им шары, выдуваемые из стекла особого состава, а Вудхаус вплёл в них магические формулы и наложил знаки, без которых эти шары были просто блестящими побрякушками. По крайней мере, именно так Вудхаус объяснил то, что подал в Патентное бюро заявку только со своей фамилией, – хотя ходили слухи, что его заставили на Совете эльфов, дабы принести эльфийским родам больше власти. Но в этом лерд, конечно же, признаться не мог. Хотя и пытался после этого поговорить с другом.

Однако Горни его не пустил на порог, а через несколько дней семейная теплица Вудхаусов с тысячелетней розой, подаренной роду Матерью Эльфов, была разрушена поднявшимися из-под земли валунами. Это было жесточайшее оскорбление, но Горни на этом не остановился: он во всеуслышание предложил бывшему другу использовать в качестве носителя лужёные кастрюли и котелки, раз его шары только блестящие побрякушки, и подал в Высокий королевский суд иск.

Тяжба длилась полтора столетия, кормила три поколения двух семейств адвокатов и закончилась позиционной ничьей. Материальная основа и магическое наполнение были признаны неотъемлемыми частями единого целого, и каждый из претендентов получил право на половину дохода от каждого пущенного в оборот визора. Это уравнило доходы семейств, но не погасило вражду между ними ни на горчичное зёрнышко. Горни считали себя пострадавшими от коварства и вероломства, а Вудхаусы были уверены, что их достижения и вклад в магическую науку не были оценены по достоинству и в прямом, и в переносном смысле.

Еще одним неприятным последствием давнего раздора стало проклятие от учителя-дракона. В обеих семьях знали, что предки в желании доказать свою правоту и вытребовать наказание для бывшего друга почти одновременно добрались до пещеры наставника. А дракон, выслушав их, прошипел несколько ругательств из тех, которые не включают в семейные легенды, рассказываемые младым потомкам, а затем добавил.

– Я плохой учитель, если политические и семейные обязательства, – он посмотрел на высокомерно выпрямившегося Вудхауса, – а также гонор и гордость, – он глянул на готового броситься в драку Горни, – оказались важнее для вас, чем дружба и те года, которые вы провели вместе за одним делом, разделяя и кров, и хлеб, и ненастье, и мой скверный характер. Придется исправлять. Слушайте: в ваших семьях отныне будет рождаться не больше одного ребенка. До тех пор, пока и тень вражды не исчезнет. И никто из вас или ваших потомков не сможет уничтожить противника ни своими, ни чужими руками. А теперь – прочь!

Бывшие друзья за мгновение оказались в столице, успели еще раз поругаться и обвинить друг друга в проклятии – и разошлись в разные стороны.

Само собой, с тех пор единственные дети в обеих династиях воспитывались в духе абсолютной непримиримости. С пелёнок в отпрысков, фигурально выражаясь, вколачивалось понятие превосходства Вудхаусов над Горни в чём бы то ни было, и верховенство Горни над Вудхаусами во всём на свете. Доходило дело и до легендарных случаев.

Лет сто назад лерд Долэйх Горни и лерд Конриэль Вудхаус в недобрый час встретились в трактире на перекрёстке на полдороге в столицу. Местный дух-брыки был, видно, в дурном настроении, раз свёл лердов за одним столом. Говорят, это был самый эпичный спор и самая долгая попойка за всю историю королевства, а столу в том трактире до сих пор уважительно кланяются местные пьяницы.

Лерды спорили о достоинствах своих леди, высоте замков и обширности земель, конских статях, чистоте породы охотничьих собак и длине... кинжалов, кинжалов, разумеется. Удивительно, но благородные лерды не спорили о собственном уме. Впрочем, если учесть, что они под конец держали пари, кто больше выпьет, и одного унесли в ближайший лазарет с заворотом кишок, а второй впал в беспамятство и довольно долго называл себя королём Людовиком, к счастью, покойным, это вовсе не странно.

Даже дома двух семейств стояли по обе стороны Веншицкой ратуши, которая была построена в конце длинного Парадного проспекта, упирающегося в королевский дворец. Сады владений Горни и Вудхаусов огибали ратушу и почти смыкались позади, разделенные лишь узкой старой улочкой. А уже парадные ограды выпирали на круглую площадь, как два надувших зобы голубя. В своё время за такое нарушение бургомистр взыскал с лердов консоляцию, то бишь штраф и ущерб, и Горни гордились, что она была на десять эрингов больше, чем уплаченная Вудхаусами.

Глава 4

О военных хитростях и их последствиях

«... ставки принимаются 11:8, что однозначно говорит о том, каковы шансы каждого из кандидатов. Нет, я не считаю возможным уточнять, на чью победу коэффициент больше».

Из интервью лерда Холлбджорна «Биржевому листку».

В этот вечер в упомянутых домах проходили почти военные совещания.

Флбин Горни, добродушный, широкий, будто крепостные ворота, как и полагалось потомку почтенной гномьей фамилии, такой же красноволосый, как дочь, восседал во главе основательного и длинного, всем своим видом хлебосольного стола. На столешнице теснились блюда с жареными поросятами и окороками, колбасы громоздились подобно стогам, запечённые гуси, фазаны и пулярки лоснились жирными боками, мясные пироги возвышались башнями между графинов с настойками и бутылок тёмного стекла с драгоценным старинным вином. Семья и гости перекусывали после ужина, поскольку ничто так не способствует умственной деятельности, как вкусная трапеза.

– Так значит, этот эльфеныш все-таки встал на пути у моей бусинки, – глава семейства кинул взгляд в окно столовой на светящиеся в глубине соседнего сада окна особняка Вудхаусов и положил себе ломоть ветчины – ароматной, со слезой. Ломоть свешивался с обоих концов тарелки, как одеяло с узкой кушетки. – Ничего, дочь моя, папа Горни все сделает как нужно. Говоришь, тебе нужно придумать ему испытание? Да еще и государственной важности? Да кто же знает больше о государственной важности, чем гномы? – он захохотал, и родня поддержала его смехом и выкриками, а матушка одобрительно похлопала по спине.

– Папа, я сама справлюсь, – попыталась утихомирить родителя Эбигейл. Она очень любила отца, но его забота иногда принимала чрезмерные формы. Как тогда, когда он отправил Вудхауса в Гнилые топи, например.

– Ша, дочь моя, кому, как не родным, тебе помочь, – отрезал отец и тут же умилился: – Как ты сверкаешь глазками! Как играет в тебе боевой дух наших предков!

Эби, чтобы успокоиться, скатала в трубочку бронзовое блюдо из-под перепелок и покорно кивнула.

– Скажи-ка нам, моя бусинка, что больше всего не по вкусу этому Вудхаусу?

– Больше всего он, как и все эльфы, не любит нежить и эманации некромагии, но у него просто какой-то нездоровый страх, – Эби, смиряясь, отбросила бронзовый рулончик, откусила от фазаньей ножки, прожевала. Подумала, полила ножку клюквенным соусом и откусила ещё, а затем забросила в рот чарку маменькиного травяного безалкогольного настоя. Пусть гномы гордились умением пить, не пьянея, а эльфы считали, что они в этом лучше, но сама Эбигейл от алкоголя чрезмерно веселела и начинала болтать чушь. – Но чего он совсем не терпит – это малейшего пятнышка грязи. Да что там, – немного преувеличила она, – несчастную пылинку увидит и трясет манжетами так, словно кисель взбивает.

Гости за столом одобрительно захохотали и потребовали продолжать. Ни одно гномское застолье не обходилось без долгих историй, и Эбигейл очень польстило, что на этот раз ее выбрали рассказчиком.

– Представляете, – Эби обвела всех взглядом. – Приходит в лабораторию и начинает реторты на свет проверять, пробирки, стол осматривает, словно боится, что на нём блохастая собака ночевала. А как он в дождь до жеребца идёт? Вышагивает, как танцовщица, – она продемонстрировала Натову походку с помощью вилки и фазаньей кости.

На самом деле Вудхаус ходил грациозно и плавно, засмотреться можно было. И грязи он не то чтобы избегал. Просто лицом серел и начинал чесаться. Но для красного словца можно было и преувеличить, особенно когда гости и родные так смеются.

– Но самое смешное случилось на втором курсе, в Академическом переулке, – таинственно начала Эби.

– Это который между академической библиотекой и ристалищем? В котором стены так близко, что не разъехаться двум всадникам? – уточнил папа Горни. – Я слышал, что так сделали, чтобы академия могла обороняться от любой армии.

– Именно он, – кивнула Эби, принимая из рук мамы Горни еще одну чарку с настоем. – На втором курсе я сидела в библиотеке и услышала на улице ржание коня Белоручки, Серебряного копытца.

– Но как ты его узнала? – насторожился папа Горни.

– Папа, как будто ты не знаешь, что эльфийские кони ржут как поют, и каждый на свой манер, – укоризненно сказала Эбигейл. – Это наши издают звуки, сравнимые с боевым горном!

– Оттого мы и Горни! – воскликнул папа и все выпили.

– Я выглянула в окно, а внизу едет Вудхаус. Конь сверкает от чистоты, в седло и подковы можно смотреться – так блестят, сам эльф одет с иголки, – она горделиво выпрямилась, под всеобщий смех продемонстрировав, как Вудхаус держит уздечку, высокомерно подняла подбородок, стараясь не думать, что она сама на коне бы скорчилась и вцепилась в гриву, зажмурив глаза. – И плащ так ниспадает с лошадиного крупа и развевается, – пополооскала рукой. – Ступает по переулку как по облакам, лужи на земле объезжает. А знаете, как он говорит наше гномское «Тпру-у!»?

Все затаили дыхание.

– «Тпруууууууууууу!»», – манерно пропищала Эби, и все захохотали.

– Клятые эльфы, – утирая слезы, проговорил папа Горни. – «Тпруууууууууууу!»», надо же. Это ж таки надо так наш гномский язык исковеркать!..

– И кто же виноват, что по грязи в этот самый момент решила проползти змея? Единственное, чего бояться эльфийские жеребцы. Я-то точно не виновата! – смешливо добавила Эби.

Присутствующие давно перестали есть, потому что боялись подавиться.

– И что же, конь взбрыкнул? – догадался Флоин.

– Еще как, – потупилась Эбигейл. – И Вудхаус свалился прямо в лужу! Не пострадал, конечно, эльфы ведь как кошки гибкие. Но извоzilся с ног до головы! Встал, посмотрел на себя – и начал ругаться так, что я и в шахтах дяди Урюписа такого не слышала. Ругается и чешется, ругается и чешется!

– Ну не придумывай, дочка, никто не переругает дядю Урюписа, – благодушно проговорил папа Горни. – Разве что твоя мама ухитрилась, когда я по недосмотру сломал ее любимый молот.

Мама, Агнэс Горни, и сестра вышеупомянутого Урюписа, потупилась, запунцовела и похлопала мужа по плечу широкой рукой.

– Рассказывай дальше, дочка, – велел папа.

– А затем Вудхаус взял и от злости замостил переулок брусчаткой, просто переформировал землю, – продолжила Эби. – Столько энергии вбухал, только чтобы больше не испачкаться! Он после этого, наверное, неделю чесался и месяц слабее котенка был.

Гномы переглянулись со смешанным чувством. Работать с землей и её недрами было извечной привилегией их народа, вот и коньком Эбигейл была работа с камнем. А тут какой-то вялый эльф из земли булыжник сотворил. Чтобы избавиться от лёгкого флёра уважения к эльфу, папа Горни скомандовал.

– Давай, дочка, говори. Ты ведь сбила с него спесь?

Эби с готовностью кивнула.

– Я ведь девочка жалостливая, добрая... – она победно оглядела гостей.
– Мы, Горни, вообще сама доброта, – подтвердил папа. – Если не трогать наши бороды, молоты...
– Дома, детей, – выкрикнул кто-то.
– Привычки, голос, смех, кузницы... – охотно поддержали тему.
– И смотреть мимо нас, – завершил папа. – И дышать через раз. Так как ты его пожалела, дочка?
– Я подошла к нему и сказала, что знаю верное средство от нервной чесотки.
– И что он? – спросила мама, которая слушала рассказ с легким несвойственным ей беспокойством.
– Спросил, что за средство, – хихикая, продолжила Эби.
Гости затаили дыхание.
– И что ты ответила? – поторопил папа.
– «Грязевые ванны!», – выдавила из себя Эбигейл, сгибаясь от смеха, и гости вторили ей хохотом. Гномы неаристократично хрюкали, гыгыкали, подвывали, вытирая слёзы салфетками и обмахиваясь. Их племени, по легенде созданному из каменной пыли, любая грязь была нипочем.

– Так, значит, Вудхаус не любит ручки пачкать, – отсмеявшись и пополнив потраченную энергию половиной гуся, некоторым количеством сочных шницелей и хорошим глотком крепчайшей настойки, лерд Горни вернулся к делам. – И иметь дело с нежитью. Ничего, бусинка, с этой информацией таки можно работать.

– Жаль, что в нашем благословенном королевстве нет достаточно непроходимых грязных болот, зловонных трущоб или пыльных-препыльных подземелий, в которых Белоручка может как следует испачкаться, – вздохнула Эбигейл и бросила взгляд на соседний особняк. – С теми, что есть, он, увы, легко справится.

– А склепы на старом кладбище? – подал голос мамин кузен Гаррис. Родственники здесь вообще были только мамыны, потому что дед с бабушкой Горни уехали в горы, а папа, конечно, был единственным сыном.

– Я вас умоляю! Да там покойники тихие и, вообще, скука смертная, – небрежно махнула рукой тетушка Мэрин. – Мы в детстве обожали забираться туда в полнолуние – всё надеялись встретить вурдалака.

Дядюшка Вёрнис, муж тетушки Мэрин, мечтательно зажмурился – видимо, жалел, что тетушке в юности не встретился-таки вождеденный вурдалак. А может, думал, что встретился, но недокусал – и тетушка теперь сосала дядюшкину кровь каждый день.

– Склепы, говоришь? – папа Горни одобрительно прищурился. – А как насчёт древних городских катакомб? Дэррик, тебе вроде докладывали, что в катакомбах пошаливать начали, нечисть там объявилась, так?

– Местные жители, что ближе к провалам живут, жалуются, что нечисто там, – подтвердил майор Кэнзи. Он служил в королевской гвардии, а полковник Горни, бывший кузнецом-механиком, больше работал по инженерно-артиллерийской части. Что, впрочем, не мешало ему быть в курсе всех новостей благодаря обширным связям.

– Ты прав, кузен, – крикнул с другого конца стола дядюшка Прэстон. – Там нечисто! И даже шибко грязно! Самое место, чтобы отправить туда этого чистоплюя!

Эби поморщилась – на мгновение ей стало жаль Вудхауса. Но это недостойное верной дщери рода Горни чувство быстро было смыто дружной боевой песней, которую затянули гномы и которая наверняка доносилась до соседей напротив, показывая, как велик гномий боевой дух. Правда, через некоторое время в песню стали вмешиваться мелодичные звуки

какого-то струнного инструмента и торжественное эльфийское пение – что лишь подзадорило гномов орать громче.

В доме Вудхаусов тоже совещались, стараясь не обращать внимания на завывания и хохот, доносящиеся из дома заклятых врагов. В гостиной, достойно украшенной и изысканно убранной, благоухающей нежными цветочными и травяными ароматами, под кофе, коньяк и ликёры Натаниэль рассказывал родным и приближенным к роду о привычках и склонностях этой выскочки Горни.

– Не глупа, но импульсивна, способности выше среднего, конечно, но меньше моих, обладает незаурядной физической силой, что неудивительно – она ведь работает в кузнице и гнет подковы, – несколько эльфийских леди на этих словах приоткрыли рты, прижали руки к груди, а к носам – платочки, и закатили глаза, как будто Нат сказал что-то неприличное. – Боится лошадей и высоты.

Гости и семья презрительно поморщились.

– Леди нашего круга должна прекрасно держаться в седле, – высокомерно процедила леди Никоэль.

– Она дочь аристократа, – Натаниэль пожал плечами: мол, этот факт нельзя отрицать, но что есть, то есть. – Однако в её воспитании, видимо, допущен досадный пробел.

– И значительный, – подтверждающе кивнула леди Петунья. – Непростительный промах её родителей, я бы сказала.

– Что касается её второй фобии, то она, мало того, что доставляет много неудобств, так ещё и сказывается на выполнении ею обязанностей, – продолжил Нат.

– Мне кажется, ты преувеличиваешь, – осторожно возразила матушка, леди Элино́р, и тут же оправдалась под недоуменным взглядом отца: – Нельзя недооценивать противника, милый. Я слышала, магистр не так уж плохо о ней отзывался.

– Я поделюсь одним случаем, а вы судите сами, – Натаниэль беззвучно поставил чашечку на стол, взял рюмку с ликёром, пригубил. – Это случилось год назад. В Кемской провинции какой-то залётный маг-недоучка бойко торговал поддельными амулетами и фальшивыми зельями, хорошо, что достаточно безобидными. Разве что, – решил он добавить пикантности в рассказ, дабы разбавить излишне серьёзный вечер, – неверная жена одного галантерейщика купила парные перстни, якобы заговорённые на невидимость, и принимала любовника прямо в задней комнатке за лавкой, будучи абсолютно уверенной, что их никто не видит. Однако перстни оказались синской подделкой и перестали действовать через пять минут. Их увидели и услышали. Был страшный скандал.

(Вудхаус-младший, как истинный аристократ, не мог повторить в дамском обществе некоторые горячие подробности. Любовник попытался сбежать через чердачный лаз, но застрял. Мстительный муж познакомил длинную деревянную линейку, которой отмерял ткани, с некоторыми частями тела соблазнителя, а жену даже не выгнал, только плюнул с досады: «Нет, знал же, что на дуре женился, но чтоб на такой!»)

– И торговал бы этот мошенник себе дальше, если бы не вздумалось ему продавать туфельки, которые, будучи надетыми на ногу, привораживали суженого, только назови его имя. Случился ажиотаж, но вот беда – все дамы желали в суженые принцев, не меньше. После того как у дворца ее величества выстроилась очередь из невест принцев с требованием выдать им хотя бы одного на всех, королева приказала придворному магу срочно решить это... недоразумение, найти мошенника, а также найти и изъять все остальные туфельки. Сам Корнелиус, естественно, не стал бы этим заниматься, а лучшая по амулетам и их обезвреживанию у нас Горни, – неохотно признал Вудхаус. – Поэтому ее и решили отправить в Кемс.

– И что? – поторопила одна из леди.

– А то, что в Кемс до поры до времени был один путь – три дня по железной дороге. Не тратить же на пустяковое дело драгоценный телепорт-амулет! Но я подсказал магистру третий путь – на дирижабле, которые, как вы помните, прошлой весной только-только начали совершать рейсы из столицы в разные города.

Присутствующие понимающе и восхищенно заулыбались. Тонкий момент нарушил только взрыв смеха, донесшийся из дома напротив.

– Несколько часов, и ты в Кемсе, – продолжил Натаниэль. – О, как красноречива была эта несносная леди, когда узнала, что ей придется лететь! Но магистр был непреклонен: королева очень гневалась. И тогда я предложил сопровождать Горни под предлогом, что помогу справиться со страхом. Да и молодой леди неприлично путешествовать одной.

– Ты нисколько не погрешил против истины, мой мальчик, – кивнул отец, лерд Триггвиэль Вудхаус. – Несмотря на новомодные веяния, твоим двоюродным сестрам и в голову бы не пришла такая крамольная мысль.

– Наши девочки воспитаны настоящими леди, – подчеркнула сестра леди Вудхаус.

– Но на самом деле я просто не мог пропустить это зрелище, – объяснил Натаниэль. – Сейчас вы поймете, почему.

Слуга предложил ему свежего кофе и зефир, и некоторое время Вудхаус попивал из тонкостенной чашечки. Собеседники вежливо ждали, в свою очередь наслаждаясь прекрасным напитком.

– Лично меня вид дирижабля заворожил: какая мощь, какая сила технически-магического прогресса! Горни же смотрела на приближающийся аппарат как мышь, ослепленная фонарём. Она вцепилась в перила с такой силой, что едва не оторвала поручни и взбиралась по трапу четверть часа, не меньше, еле-еле переставляя ноги. В гондоле села спиной к окну и пристегнулась, хотя до отлёта был ещё час, и так и сидела до самого взлёта. Когда заработали моторы, я посмотрел на неё и был поражён – никогда не видел у людей таких глаз. У Горни они и так большие, а тут стали вообще больше лица и всё расширялись. Я было собрался ей посочувствовать, но тут дирижабль стал подниматься в воздух и леди начала визжать – сначала почти не слышно, а потом всё громче и громче. Эти звуки сносили всё на своём пути. Примчался стюард, потом помощник капитана, потом сам капитан. Они развели вокруг неё такую суету, умоляя успокоиться и замолчать, но, кажется, это давало только обратный эффект.

Натаниэль ни за что бы не признался, что тогда ему стало жаль несносную гномку, а идея подшутить и помочь преодолеть ее страх показалась совершенно дурацкой. Сейчас он, конечно, всем своим видом показывал, как ему был неприятен этот спектакль, а присутствующие всеми фибрами организмов выражали сочувствие. Не Эбигейл, а ему, бедняжке, конечно.

А еще ему подумалось, что он прекрасно понимает фобии и ему бы не хотелось, чтобы его так же высмеивали.

– В конце концов, когда дирижабль почти поднялся, она бросилась к выходу и с воплем попыталась выломить его походным молотом, – уже с неохотой завершил он. – Пришлось ее усыпить до самого Кемса. Осталось сказать, что остаток дня она была абсолютно не работоспособна, и нам пришлось задержаться в городе.

– Паника, потеря ориентации и работоспособности, – подвёл черту Триггвиэль Вудхаус. – И всё это от комфортабельного полёта! Прибавьте к этому гиппофобию и что в сумме? – он посмотрел на всех с превосходством первого ученика.

– Что? – Натаниэль действительно не понимал. Через секунду до него дошло. – Пегасы?

– В точку, сын! Ты говорил, что волосы из их грив используются для изготовления амулетов подъёма в воздух дирижаблей?

– Да, но их очень сложно получить, эти волосы. Как вы знаете, пегасы полу-разумные существа со странным чувством собственной важности, они не слишком охотно контактируют с любыми другими расами. Каждый раз, отправляясь в их долину, маги гадают, что выкинут

эти крылатые лошадки, какое испытание взбредёт им в голову. Но одно неизменно – нужно свершить полёт на одном из них ради признания членом их племени, потому что делиться драгоценными волосами из гривы с чужаками они, видите ли, не могут.

– Вот и предложи королеве отправить к ним Горни, – лерд Вудхаус тонко улыбнулся. – А не выпить ли нам игристого по этому поводу? А затем, – он недовольно покосился на окно, которое не защищало от завываний из луженых глоток соседей, – сыграешь нам на арфе, мой сын, моя гордость? Давненько мы не пели наших родовых гимнов.

– С удовольствием, – тоскливо ответил Натаниэль и накинул еще рюмочку ликера.

Глава 5

О строгой, но справедливой королеве

«В нашу редакцию пришло письмо от жителей деревни Гнилые топи. Они просят провести испытания кандидатов на должность придворного мага именно у них, поскольку дорога между их деревней и уездным городом находится в таком состоянии, что привести её в порядок по силам только настоящим волшебникам».

Журнал «Сельская быль».

Следующее утро ничем не напоминало предыдущее. Оба претендента на должность придворного мага чинно вышли из своих калиток, вежливо раскланялись по дороге и в абсолютном молчании проследовали в королевский дворец параллельными курсами. Молчание сильно разбавлялось шушуканьем обгоняющих их придворных – казалось, во дворец тянулись все, включая осьминога-виночерпия, который единственный сочувственно пощелкал клювом и ухитрился подмигнуть Натаниэлю. Видимо, вид застёгнутого на все пуговицы Ната и Эбигейл, одетой в подобающий случаю строгий, хоть и не без изящества, костюм, не располагал к разговорам. А, может, придворные не хотели приближаться к тем, кто попал в немилость к королеве.

Четыре гвардейца перед залом встали по стойке «смирно». Два вышколенных лакея распахнули двери высотой в два человеческих роста, засверкали вспышки больших фотообскур, и провинившиеся, смахнув слезы, увидели, что Малый зал приемов заполнен до отказа. Тут же находились и газетчики, и главы всех аристократических родов, включая родителей Вудхауса и Горни.

Натаниэль с мгновение поколебался – манеры в нём боролись с желанием и здесь опередить конкурентку. Манеры победили с незначительным перевесом. Но до тронного возвышения маги дошли плечо к плечу. Обстановка, одновременно строгая и торжественная, заставляла держать осанку. Трон подавлял, королева казалась ещё более величественной и царственной, тишина в толпе придворных казалась зловещей. Рядом с королевой на помосте стоял магистр Корнелиус в парадной мантии. Оба претендента, кажется, впервые, поняли, что в действительности стоит на кону.

– Итак, вы явились, – ледяным тоном проговорила королева, и они поняли – пощады не будет.

– Рада служить вам, ваше величество, – поклонилась Эби.

– Счастлив служить вам и стране, – отвесил церемонный поклон Нат.

Магистр одобритительно кивнул обоим. Королева сощурилась.

– Вижу, вы готовы бросить вызов своему сопернику? Леди Горни, начнём с вас, пожалуй.

– Ваше величество! Я предлагаю мэтру Вудхаусу испытание, соответствующее его безусловно высочайшим способностям. Как мне стало известно, вы приказали очистить от нежити городские катакомбы, простирающиеся под всей столицей и даже за её окраины. Планируется армейская операция. Но, по моему скромному мнению, от военных там будет не много толку. Здесь нужен опытный и знающий маг – именно такой достоин занять должность мэтра Корнелиуса. Если Вудхаус на неё претендует – вот прекрасный способ доказать это, – Эби церемонно поклонилась сопернику, с удовольствием отмечая, как тот с досадой сжал губы. – Конечно, уважаемый коллега может отказаться...

– Я не откажусь, – процедил Натаниэль с плохо изображаемым воодушевлением. Толпа соратников отца поддержала его легким одобрительным шушуканьем – словно ветер в ивах зашумел.

Однако торжество Эбигейл было недолгим.

– Что ж, неплохое предложение, – обменявшись взглядом с магистром, одобрила королева. – Что скажете вы, лерд Вудхаус?

– Ваше величество! Прежде всего, хочу выразить леди Эбигейл благодарность за высокую оценку моих талантов и заверить вас, что искренне восхищен ее работоспособностью и умениями. Боюсь, что в столице нет достойных ее силы задач. Поэтому, в свою очередь, я предлагаю мэтрессе Горни задание по её профилю мастера-амулетчика. Никто лучше неё не сможет обеспечить сохранность материалов для летательных амулетов. Полагаю, она с лёгкостью доберется в Долину Пегасов и без труда убедит её обитателей поделиться не несколькими волосками в год, как было до сих пор, а как минимум сотней драгоценных волос из их грив, которые, как известно, нужно еще дополнительно магически обработать для транспортировки, – глаза Ната сверкнули, когда он увидел широко распахнутые глаза Эби и судорожно сжатую руку. – Но, конечно, если эта задача слишком примитивна для великолепной Эбигейл, она может проигнорировать ее.

– Спасибо, но я берусь за любые задачи во славу страны и короны, – с любезным оскалом ответила Горни. – Я справлюсь, ваше величество!

Гномы со стороны папы Горни едва заметно поддерживающе загудели, как рой бородатых шмелей.

– Мне нравится ваш энтузиазм, – королева по-прежнему была сурова. – Магистр Корнелиус, вы имеете что-то добавить?

– Да, ваше величество, – слишком гладко для не знающего заранее ответ проговорил магистр. – С вашего позволения, я хотел бы кое-что предложить. Во-первых, разумно будет, если каждый претендент сам проследит за тем, как выполняет задание его соперник. Во-вторых, в катакомбах необходима работа в паре, поскольку того требует техника безопасности, а леди Эбигейл прекрасно обращается с камнем.

– Ну, если этого требует техника безопасности, – глаза королевы смеялись, а со стороны соратников обеих сторон слышался тревожный шорох. Как так, деточек отправляют на опаснейшие задания! Чужого-то не жалко, а вот своего!

– И в-третьих – на пегасов напал какой-то мор, и прежде, чем говорить с ними о гривах, следует заняться их лечением. Это ведь входит в ваши умения, Натаниэль...

– А я в милости своей считаю, что каждый, – королева повернулась к гномам, – именно, каждый, – она кинула взгляд на эльфов, – должен опробовать то блюдо, что приготовил другому. И должен научиться действовать в интересах страны и короны, а не следуя давней вражде. Поэтому решено, – сказала королева величественно. – Вы вдвоём отправляетесь в Долину Пегасов. Если это испытание будет пройдено достойно, мы устроим бал в честь леди Горни, вы отдохнете несколько дней, а затем займётесь катакомбами. Вместе. И неудача одного станет неудачей другого в моих глазах. Надеюсь, мэтр Корнелиус, ваши помощники справятся, несмотря на свое легкомыслие. И если они осият оба задания, их ждет магический поединок! – газетчики защелкали фотообскурами, возбужденно зашептались. – Желаю удачи, леди, лерд. У вас есть вечер на то, чтобы подготовиться, завтра утром вас в столице быть не должно. Учтите, – она обратилась к главам обоих родов. – Это испытание леди Горни и лерда Вудхауса, а не рода Горни и рода Вудхаус. Любая помощь рода будет зачтена как неспособность будущего придворного мага справляться со своими задачами самостоятельно. А теперь все свободны, дамы и господа, – величественно повела она рукой в сторону придворных и шелкопёров. – Аудиенция закончена. Нет, а вы останьтесь, магистр. Мне нужно ещё кое-что обсудить с вами.

Маги, поклонившись, вышли, не проронив не слова. Но королева могла бы поклясться, что между ними сверкают молнии.

* * *

Вечером, когда закончились бурные прощания с родными у Эбигейл и долгие наставления от отца у Натаниэля, оба мага вернулись в свои дома. Нат дождался, пока в доме у гномки загорится свет и, поколебавшись, все же направился к ней и постучал в дом.

В отличие от задиристых гномов эльфы всегда умели заключать временные союзы при жизненной необходимости. Правда, потом они договоры с легкостью рвали, но это дело десятое.

– Как будем добираться до Долины Пегасов? – почти мирно спросил Натаниэль, когда соседка после долгой паузы распахнула дверь.

Долина Пегасов находилась в Самоцветных горах на северо-восточном краю страны, и железная дорога была проложена только до предгорий – оттуда же еще с неделю нужно было идти пешком.

В гостиную эльф заметил маленький рюкзак-невесомку, вокруг которого были разбросаны куча вещей, припасов и снаряжения. В рюкзак помещалось вдесятеро больше его размера, а вес оставался на уровне пары килограммов.

Эбигейл Горни насупилась, будто уже собиралась дать гостю в морду, но тут у дороги зашуршали кусты, сверкнула вспышка.

– Сейчас вмажет, – донеслось до них сдавленное, – снимай быстрее! Завтра будет репортаж!

Эби разжала кулак, сладко улыбнулась и протянула руку, которую Натаниэль с усмешкой пожал. Им обоим нельзя было гневить королеву.

– Не знаю, как будешь добираться ты, – продолжила улыбаться Эби, сжимая его ладонь в мощном захвате, – а мой маршрут тебя не касается.

– Я сейчас либо проткну тебе ладонь ногтями, либо заору, Шестеренка, – предупредил Вудхаус с нежностью. – Хочешь порадовать прессу и королеву?

Кусты возбужденно шуршали. Снова сверкнула вспышка.

Эбигейл улыбнулась еще шире и втянула Вудхауса в дом. Захлопнула дверь и с силой толкнула эльфа в грудь, впечатав его в створку.

– Это было подло, Вудхаус! – рявкнула она, угрожающе потрясая перед его носом пальцем. Если учесть, что сама Горни дышала сопернику в грудь, руку ей пришлось заирать как ребенку, жаждущему ответить на уроке.

– Согласен, подло, Горни, – невозмутимо ответил Нат, отводя гномский палец от носа. – Катакомбы, да? Ты ведь знаешь, что мне физически плохо от нежити, а от грязи снижается концентрация. Если бы королева согласилась, чтобы я пошел туда один – я бы мог не выйти. Ты этого хочешь?

Она запнулась лишь на момент – и тут же ноздри снова стали гневно раздуваться.

– Не говори ерунды – ты знаешь, что из-за проклятия никто из нас не способен привести другого к гибели. Да и у тебя есть способ выбраться. Ну а ты? Мало того, что пегасы – это те же страшные лошади, так еще и с крыльями! Они живут в каменных гнездах на горных склонах. И мне придется летать! Ты видел, в какое состояние я впадаю на высоте. Знаешь, что я могу разбиться. Меня ты не пожалел, а я тебя должна жалеть?

– Ну ты же претендуешь на звание придворного мага, Горни, – насмешливо проговорил Вудхаус. – Как ты будешь работать с боязнью высоты, если придется сопровождать ее величество на ныне строящемся дирижабле? А если на королевской конюшне начнет шалить конепугало, что ты будешь делать? Визгом его прогонять?

– Если я справлюсь с тобой, то и конепугало мне не страшно будет, – непримиримо буркнула Горни. – Вали отсюда, Белоручка. Я с тобой никуда не поеду, каждый сам за себя, что бы там ни говорила королева, понятно? Спрячься куда-нибудь на время моего отъезда, а я, так и быть, по возвращении скажу, что ты был со мной и помог. Сам ты мне рядом не сдался. Никогда Горни не будут опираться на Вудхаусов!

– Да и Вудхаусам Горни ни к чему, – высокомерно ответил Натаниэль. – Но попробуй включить мозг, Горни, и отключи на секунду свой гномий гонор...

– Мой гномий гонор ничто по сравнению с твоим эльфийским высокомерием! – брякнула Горни.

– О, Пряха, – картинно повел головой Вудхаус. – Услышь меня, Циркулярная Пила. Королева повелела ехать вместе и, судя по ее настрою, не поленится приставить соглядатаев. Не закапывай нас еще глубже, у меня нет никакого желания возвращаться в Гнилые топи или еще дальше, куда она изволит нас сослать! Если ты думаешь, что мне доставляет удовольствие находиться рядом с таким взрывным существом, как ты, ты глубоко ошибаешься. Но приказ есть приказ. Думай, – предостерегающе сказал он, заметив, как Эбигейл набирает в грудь воздуха, чтобы разразиться очередной тирадой. – Думай! – и он щелкнул ее по носу, сбив весь задор.

Она зло сверкнула глазами, отступила, подышала, сжимая и разжимая кулаки, и вдруг словно сдувшись, кивнула.

– Ты прав, хорошо. Поедем вместе.

– Не верю, что я слышу это, – сощурился Натаниэль. – Что ты задумала, Горни?

– По-е-дем вместе, – по слогам повторила Эбигейл и похлопала его по плечу. – Нам повезло, завтра поезд в пять утра. Следующий к горам – на следующей неделе. Успеешь собраться, Белоручка? Опоздаешь – придется ехать на моем паромобиле.

– Я знаю и уже собрался, – уел ее Вудхаус, чуть поморщившись при упоминании гномского транспорта. – А вот ты берешь слишком много вещей. Маленький молот и наковальня, серьезно?

– Он учит гномку собираться в поход, – закатила глаза Горни. – Вали уже, напарничек, отполируй ногти, пяточки пемзой потри или чем вы там, эльфы, по вечерам развлекаетесь. И не мешайся под ногами.

– Кстати, да, пилочку для ногтей забыл, – озаботился Вудхаус с очень серьезным лицом. – Благодарю, Горни.

– Уточку для ванной не забудь, – с ехидством крикнула Эби ему вслед, наверняка порадовав журналистов. Но уж очень было трудно сдержаться, когда поняла, что в самоиронии она проигрывает клятому Белоручке подчистую.

Натаниэль вернулся в особняк, но вместо того, чтобы отдохнуть, весь вечер занимался накладыванием защитных заклинаний на дом, сад и все вокруг. Он ни на секунду не поверил Горни в ее согласии объединиться и ждал подвоха. Сам он не погрешил против истины, когда сказал, что не испытывает желания провести следующие пару недель бок о бок с соперницей, но эльфийская разумность и вдумчивость не позволяли нарушить приказ королевы.

Натаниэль, проучившись с Горни пять лет и два года проработав рядом, не мог не отдавать должное ее способностям. Он уважал ее как специалиста, ему даже нравились ее независимость и острый язык, но скандальность, упрямство, драчливость (он поначалу опасался всерьез биться с Горни на физподготовке, но ощутив всю силу ее кулаков, перестал ее беречь и стал беречь себя), неумение уступать и непохожесть на нежных и чувствительных эльфийских леди его поражали и отталкивали.

Они были ровесниками, и он помнил ее с самого детства – круглолицую малявку с красными косами и огромными серыми, как камень, глазами, которая играла с маленькой кузницей в саду дома напротив. Он иногда подглядывал, как она работает молоточком: узкая улочка за

ратушей позволяла рассмотреть все в деталях, – она слушала, как он играет на ксилофоне и поет, и часто они просто глазели друг на друга через прутья ограды и улыбались. Заговаривать пытались, но удавалось редко – пусть по улочке, разделяющей сады Горни и Вудхаусов еле-еле разъедутся две телеги, – но все равно приходилось перекрикиваться. А заметив, что наследник или наследница глазют на дом соседей, их поспешно уводили няньки.

Но все это прекратилось, когда Нат начал понимать из разговоров взрослых, что малявка – дочь заклятых врагов, плебеев и грубиянов, неведомо как получивших титул лердов, и общаться с ними зазорно и недостойно.

Примерно в то же время и малявка стала поглядывать на него сквозь решетки с превосходством, а затем и вовсе начала гордо отворачиваться, когда он появлялся.

Тогда он от обиды громко играл на ксилофоне песенку «Гномка, гномка, где твоя борода?», а она ковала из железа куколки эльфов со страшными головами и выставляла их между прутьев забора.

Потом у них обоих проснулись магические способности, и Горни с Вудхаусами стали соревноваться, приглашая лучших учителей, затем Эби надолго уехала погостить к бабушке с бабушкой, а Вудхаус лет в девять уехал в лесное поместье – а когда вернулся, чтобы поступать в Королевскую магическую академию, оказалось, что малявка тоже выросла, обзавелась пышной грудью, крепким плечевым поясом и крутыми бедрами и на редкость несносным характером.

Так, в приятных раздумьях о крепких бедрах и в не очень приятных – о том, откуда ждать подвоха, Вудхаус и заснул. И сны ему снились приятные, которые, впрочем, дружно осудили бы и род Горни, и род Вудхаусов.

Как хорошо, что во сне Натаниэля это не волновало.

Глава 6

О самостоятельности и сладком сне

*«Насколько безопасна для пегасов организуемая экспедиция?
Кто ответит за нарушение хрупкого экологического баланса?
Вопросы, оставленные без ответа. Наше общество защиты
неизученных рас негодует!»*
Из выступления мейсис Греты Зубмерг

Эбигейл Горни вышла из дома затемно, когда фонари в королевском парке еще горели вовсю, и помахала окнам дома Вудхауса. Через пару секунд, стоявших ей немало напряжения, дверь открылась и на порог вышел молчаливый Натаниэль, одетый так же, как вчера. Он под вспышками фотообскуров бодрствующих газетчиков проследовал за ней к паромобилю, припаркованному на стоянке за королевским парком и уселся на соседнее сидение.

Эбигейл надела шлем и очки, дернула за рычаг и воровато оглянулась – ибо напарник прошел к сидению прямо через дверь, но вроде как ночь сыграла свою роль, и никто оплошности не заметил.

Через час коллеги зашли в большой комфортабельный вагон, заперлись в купе – и, когда поезд тронулся, Горни с облегчением щелкнула пальцами, убирая плотного двойника Вудхауса. Она его обязательно вернет, когда постучится проводник, но включать-выключать иллюзию куда легче, чем поддерживать постоянно.

Путешествие длилось четыре дня и изрядно ее измотало. Но еще больше попутчики сочувствовали бедному эльфу, которого, как оказалось, ужасно укачивало в поезде.

– Да так, что никакие заклинания не помогают, только сон, – поглощая отличную отбивную в вагоне-ресторане, жарко говорила Горни любопытствующим, среди которых наверняка было несколько акул пера.

Наутро пятого дня она с двойником Вудхауса, который выглядел достаточно бледно и сонно, чтобы не вызвать подозрений, сошла с поезда в предгорном городке Вёмлисе, но не стала останавливаться и отдыхать. Она наняла единственный в городке паромобиль, оставив в залог обеспокоенному бургомистру две его стоимости – почтенный градоправитель уже знал о приказе королевы, но очень не желал лишаться игрушки, которую недавно привез из столицы. Закупила энергетических кристаллов, на которых работали все механизмы королевства, и тронулась в сторону Долины Пегасов. Проедет, сколько сможет паромобиль, а затем пойдет пешком.

Двойника Вудхауса Горни развеяла на следующий день, когда убедилась, что газетчики отстали – даже самые упорные не угнались бы за паромобилем, а второй в округе взять было неоткуда.

Но сначала она послала магистру «ласточку» – письмо с полетными рунами, похожими на птицу, – о том, что они с Вудхаусом благополучно добрались до гор. Наставник должен был передать информацию королеве и кормящимся при дворе писакам.

Сам Натаниэль сейчас должен был сладко спать в своей постельке. Хотя кто знает, как сильна его сопротивляемость «сонной мухе» – медленно действующему заклинанию, которую Эби посадила на него при последнем общении. А заодно и считала облик. Вполне возможно, что эльф уже несется следом, чтобы отравлять ей жизнь своим присутствием, вечной выдержкой и насмешками. Вряд ли он поступит как паинька и затаится в доме до ее возвращения. Значит, нужно справиться до его появления.

Эльф ей был не нужен. Самоцветные горы были вотчиной не только пегасов, но и других рас, в том числе гномов-ортодоксов из соседнего гномского государства, которые презирали

границы, считали горы своей территорией и жили тут редкими общинами в долинах. Разве может гном бояться гор? Разве нужен ей тут помощник?

Эбигейл никогда бы не призналась ни папе, ни маме, ни тем более Вудхаусу, что отчаянно трусит. Не из-за предстоящих переходов по горным склонам – Эби не боялась высоты, если под ногами была твердая земля. Из-за встречи с пегасами. Поэтому во время движения она продумывала самые разные стратегии поведения, только бы ее не заставили летать и прикасаться к лошадям. Трусить в одиночку было не так унижительно.

* * *

Натаниэль Вудхаус проснулся ранним утром, потянулся, на редкость выспавшись. Часы показывали половину четвертого, за окнами все еще было темно, но окна в доме Горни еще не горели.

– Неужели проспала? – недовольно проворчал Вудхаус, быстро выполняя утренние процедуры, одеваясь по-походному и закидывая на спину плотно набитый рюкзак-невесомку. Вышел на крыльцо и с удивлением наткнулся на несколько утренних газет, которыми обносили придворных ежедневно.

Натаниэль взял верхнюю, присмотрелся, зацепился взглядом за дату и выругался. Горни все же решила подставить их обоим. И как он опять попался? Похоже, ее изобретательности просто нет предела.

На всякий случай оглядевшись – нет ли на дороге ранних придворных, – прошел к дому Горни, взломал ее дверь... это было бы нелегко даже профессиональному домушнику, но только не разъяренному эльфу. А затем остановился перед столом, на котором лежала насмешливая записка: «Выспался, Белоручка? Ты слишком доверчив для придворного мага, Вудхаус. Смирись, тебе меня не одолеть».

Неправду говорят, что только гномы умеют по-настоящему яростно рычать. Эльфу Вудхаусу в этот раз это тоже очень удалось. Что касается первенства дядюшки Урюписа по части ругательств – Натаниэль его превзошёл трёхкратно, если не больше.

Паромобиль Горни нашелся у вокзала, и Вудхаус, надев плащ с капюшоном, скрывающим лицо, зашел в ближайшую амулетную лавку и вытряс за щедрое вознаграждение у сонного хозяина второй рюкзак-невесомку, набил его энергокристаллами, сел за руль и дернул рычаг. Нужно было уехать из города поскорее, пока его не узнали горожане.

Отец бы сейчас очень опечалился, увидев наследника и гордость за рулем плебейского, громкого, неизящного и воняющего маслом гномского изобретения. Но наследнику и гордости в этот момент было все равно. Он давно, пусть и тайно, научился управлять этим драконовым механизмом: как это, Эби смогла, а он нет?

Нат трясся в паромобиле неделю, клацая зубами на кочках, пугая кур, овец, улепетывая от фермеров, принимающих паромобиль за ревущее чудовище. Чинил магией лопнувший обод колеса и на все лады клял гонор Горни, потому что заклинания держались только до следующей колдобины. Пару раз в мелких городках ему попадались на глаза свежие газеты, где он любовался фотографиями своего двойника – вот они с Горни спускаются с поезда, вот обедают у бургомистра Вемлиса, вот уезжают в горы на паромобиле, и волосы Натаниэля красиво развеваются на ветру. По всей стране делались ставки на то, кто станет будущим придворным магом, а газеты взхлеб писали о том, как в этот самый момент он с Горни мужественно покоряет горные склоны.

Благо фотографии были ужасного качества и в городках его опознать никто не мог.

Утром восьмого дня Вудхаус, предварительно сменив внешность на максимально далекую от эльфийской, прибыл в городок Вемлис. Как бы ни дурила Горни, подставлять их обоим он не хотел, а бургомистр вполне мог доложить королеве о его странном появлении. И объе-

хоть город, как Нат планировал изначально, не вышло – проклятая машина требовала ремонта, а припасы – пополнения. Поэтому он смирился с неизбежным, заодно решил и расспросить бургомистра о его прошлых гостях.

Почтенный градоправитель, которому Вудхаус представился оркским путешественником, плохо говорящим на эринеттском, вдруг вцепился в него как клещ.

– Я настаиваю, чтобы вы отдохнули с дороги в моем скромном доме, – окунал он «путешественника» в океан лести, – пока мой личный механик осматривает и ремонтирует паромобиль. Дорогой путник! У нас так редки гости, поэтому прошу, отдохните, разделите со мной завтрак. Будет только семья и скромный круг избранных!

Отказываться не было ни смысла, ни сил. Приняв наконец-то ванну и сменив одежду на свежую, Вудхаус спустился на завтрак. И там стала понятна внезапная любезность бургомистра, ибо Нат оказался под прицелом вспышек и атакой скучающих газетчиков со всей страны, ждущих возвращения соперников с гор.

Видимо, бургомистр оценил все возможности для карьеры, которые ему дает мелькание в новостях, и решил использовать идущий в руки повод.

Счет к Горни рос на глазах, ибо целый час Нат ломал себе язык корявым орочье-эринеттским и терпел градоправителя, который цепко держался за локоть «путешественника», масляно улыбался, попадая в каждый кадр, и, по всей видимости мысленно поздравлял себя с переназначением, а городок – с будущим превращением в туристическую достопримечательность. Вишенкой на торте стало блюдо с сырым, тонко порезанным мясом, крепко посыпанным перцем, которое поставили перед «орком».

– Вы, наверное, очень соскучились по кухне вашей родины, – участливо сказал бургомистр, и все три десятка участников завтрака выжидательно уставились на Ната как на двухголовое чудовище, которое вот-вот их развлечет.

Вудхаус, как любой эльф, предпочитал мясо и птицу не употреблять – не очень приятно есть тех, с кем можешь, пусть на примитивном уровне, пообщаться. Он любил лечить зверей, а не есть их. Но эльфы были детьми природы, а природа – это не только травоядные, но и хищники. И эльфы были дуальны: они жили в гармонии с природой, но при этом охота была в их традиции и считалась высоким искусством, ограниченным множеством правил. Убийство молодняка и самок, охота ради развлечения сурово карались.

Однако ни один эльф не отказался бы от мяса в походе или будучи голодным.

На студенческой практике Вудхаус ел вещи и похуже, поэтому он, на мгновение подняв глаза к потолку, словно там мог увидеть хихикающую Эби, схватил первый кровоточащий кусок и сунул в рот. А затем, артистично порывая для достоверности и ухитряясь флиртовать с дочкой бургомистра (видимо, у леди были весьма специфические вкусы, ибо она мечтательно вздыхала и поощрительно улыбалась, глядя, как Нат голыми руками рвет мясо), доел все, что ему дали. Что же, во всем этом позоре был и свой плюс – подобную маскировку не раскрыл бы и магистр Корнелиус.

Попрощавшись с гостями, журналистами и взволнованной дочкой градоправителя, Натаниэль с облегчением сел в паромобиль и выехал за границы города в сторону гор. Там он быстро нашел следы мобиля Эбигейл, уходящие с закончившейся дороги и очень заметные на нетронутой растительности горной долины.

* * *

Паромобиль пришлось оставить на второй день – точнее, он сам остался в горной речке, которую Эби нужно было пересечь, чтобы продолжить движение к долине. Разглядев, что противоположный берег – это сплошь валуны, по которым мобилю не проехать, гномка махнула рукой и решила, что вытащит механизм на обратном пути.

А пока не стоило терять времени – Вудхаус уже давно должен был проснуться и наверняка направился за ней. Жаловаться королеве он точно не побежит, не тот характер, а вот догнать и настоять на своем вполне может.

И лучше будет, если Эби встретит его как триумфатор, с пучком волос проклятых пегасов в кулаке, а не как жалкая неудачница, трясущаяся при виде крылатого коня.

Горни поправила две косы, плотно облегающие голову, вскинула на спину рюкзак, еще раз шепнула самолично изобретенному магическому компасу «Долина Пегасов», и тот скорректировал положение стрелки.

Гномка посмотрела на горы, которые вставали перед ней, касаясь облаков, и со вздохом поспекала вперед, перепрыгивая с одного валуна на другой. Она не боялась походов и ночевки под открытым небом – в академии неженки быстро исключали, несмотря на титулы. Но предпочитала места, в которых не приходилось задирать голову, чтобы рассмотреть дорогу.

Дорога предстояла длинная и скучная, а мысли от прыжков перемешивались в голове, и наверх всплывали неожиданные воспоминания. Например, о том, как Эби увидела Вудхауса в первый день занятий в академии. Высокий, белокурый, изящный, он словно летел, а не ступал по земле, а вокруг него вились его прихлебатели, дружки и почитательницы.

Рядом с нею всегда тоже были подружки-гномки и друзья-гномы, но это ведь совсем другое!

Конечно, в ее семье давно знали, что отпрыск Вудхаусов, этих эльфийских выскочек и подлецов, пойдет обучаться на один курс с папиной бусинкой и самой талантливой девочкой на свете Эбигейл. И семейству Горни неизменно передавали, как Вудхаусы возмущаются тем, что их «золотому мальчику и редкой умнице не повезёт учиться вместе с неотёсанной гномкой».

Поэтому при встрече на площади перед учебным корпусом Эби и Натаниэль не удивились и друг друга тщательно проигнорировали.

Это получалось делать ровно до того момента, как кузина Эбигейл, громогласно возмущаясь, передала ей, что Вудхаус кривит нос и заявляет, что академия пропахла кузней и дымом, а недоучка Горни вылетит, не сдав и первый экзамен. Правда, сильно-сильно позже выяснилось, что говорил не Натаниэль, а его дружок, а Белоручка просто молчал и кивал, еще позже – что Вудхауса там вообще не было, но процесс было уже не остановить.

– Это мы еще посмотрим, кто вылетит, – буркнула Горни, мгновенно разъярившись. И при следующей встрече перед лекцией громко позвала, заставив аудиторию затихнуть.

– Эй, Вудхаус!

– Что вам, леди? – притворно-вежливо отозвался этот лицемер.

– Говорят, ты считаешь, что гномы не способны к магии, – проговорила она.

– В кузнях у вас получается лучше, – равнодушно и слегка удивленно согласился эльф.

– Так вот, – она еще повысила голос. – Предлагаю пари. Если я закончу академию с лучшим баллом, чем у тебя, ты публично признаешь, что гномы лучше эльфов в магии!

Он оскорбительно оглядел ее и бросил, отворачиваясь:

– Я не спорю с девчонками.

– Так и скажи, что трусил, – фыркнула она. – Неужели хваленые Вудхаусы – трусы?

Раздался шум и гул, но эльф только покачал головой и невозмутимо, к разочарованию Эбигейл, сел за стол.

Однако известие о предложенном пари и отказе Вудхауса катилось по академии, а затем и по городу, обсуждалось в знатных домах на выходных. Папа Горни на воскресном обеде хлопал дочь по плечу и громогласно хвалил, что она утерла нос выскочкам.

А в понедельник Вудхаус перед лекцией объявил, что согласен на пари. И пусть потом Эбигейл случайно услышала, как его кузины обсуждали шепотом, что его заставил отец – дабы не уронить честь Вудхаусов. Она просто не поверила этому – ее папа никогда ничего ей не

запрещал и не заставлял. Она же его обожала и хотела радовать постоянно. Собственно, и место придворного мага ей было нужно, чтобы порадовать папу.

Вудхаус проиграл пари, пусть все, включая Эби, и понимали, что отставание на одну десятую балла – это несущественно. Перед выпускным он трижды прокричал на площади перед академией, что гномы лучше эльфов в магии. Вид у него был настолько высокомерный, а тон таким – чтобы было понятно, что он имеет в виду совсем другое.

Но каким трудом ей далась эта победа! И Эби прекрасно отдавала себе отчет, что не будь у Натаниэля непереносимости к некромагии, он вполне мог бы стать лучшим. А сама она, признаться честно, вполне бы удовлетворилась должностью простого мастера амулетов. Но должность придворного мага, помимо возможности порадовать папу, стала еще одним способом утереть нос Вудхаусу. От таких должностей не отказываются.

* * *

Эбигейл почесала облупившийся на горном солнце нос, которому не помогали никакие заклинания, потом укушенную каким-то зловредным насекомым спину, вытерла мокрый от пота лоб и лоснящиеся щеки. На них наверняка остались грязные полосы. На руки вообще было страшно смотреть – черно-серые, погрубевшие. Да, даже её ладони, привыкшие к молоту, и пальцы, легко гнувшие подковы, были в меру ухоженными и приятными на ощупь – до того как она появилась в этом демоновом предгорье! Эби ругнулась и полезла дальше в гору. Компас, как заколдованный, показывал дорогу в Долину Пегасов исключительно через самые крутые и обрывистые склоны, непроходимые ущелья и осыпи.

Обычному человеку быстрее было бы обойти по низинам, но гномы чувствовали землю и легко выбирали безопасные места на самой крутой осыпи. Но это не исключало тяжести похода.

В первый день она бодро пропрыгала по валунам и быстрым шагом пошла к горам, казавшимся близко-близко. Однако прошёл почти весь день, солнце клонилось к закату, а горы только-только стали нависать над ней сердитыми великанами. Эбигейл шла, пока совсем не стемнело, сотворила заговор ночного зрения и начала устраиваться на ночёвку в неглубокой впадине у подножия горы, которую ей предстояло одолеть завтра. Разожгла костер из небольшого валуна волшебным огнём, очистила одежду и себя, достала припасы: тонкую косичку солёного сыра, копчёный окорок, гномские походные лепёшки. Поставила на огонь котелок и, поколебавшись, добавила туда хорошую порцию бальзама на семидесяти семи травах и гномском самогоне. Даже если захмелеет и начнет болтать, услышать ее тут могут только камни.

Все гномы знают, что дышать чистым горным воздухом и ароматом ночной лаванды куда приятнее, если примешать к ним запах готовящейся еды. Эби сняла тяжёлые башмаки, подсунула под спину туго скатанное одеяло, скрестила ноги и приступила к трапезе. Потрескивал костёр, грея натруженные ноги, отблески плясали на скалах, мясо было вкусным, горячий напиток – бодрящим. Но самым прекрасным и замечательным было отсутствие Вудхауса, разумеется. Эби представила, как он спит, непременно завернувшись в одеяло, вышитое барашками, в ночном колпаке, на пяти пуховых подушках, как и полагается такому неженке и белоручке (и плевать, что она неоднократно видела, как он спит на голой земле во время тяжелой практики), и усмехнулась:

– Спи, и пусть тебе снится, как ты становишься придворным магом. Хотя бы во сне порадуйся, бедняжка!

Это прозвучало несколько ненатурально, да и совесть уколола, и Эби поспешно представила кабинет магистра, то есть почти свой уже, окинула хозяйским взглядом. И вскоре уже вовсю мечтала:

– Вот те стеллажи, что слева, где ингредиенты для зелий хранятся, нужно переделать... Убрать верхний ярус, а то неудобно пользоваться. Или нет, заказать лесенку, как в моей мастер-

ской, тогда до полок с книгами и справочниками легко добираться. Стол нужен ещё один, третий, в дополнение к письменному и лабораторному. Для инструментов, чтобы спокойно амулеты делать... Прямо как у меня в мастерской! Большое увеличительное стекло нужно, свет, ну, тут специальные лампы пригодятся, как я себе в мастерскую брала. Еще горн и наковальню. Надо будет из мастерской забрать...

Эби тяжело вздохнула. Как всё-таки у нее в мастерской всё хорошо приспособлено, оборудовано. Жалко даже бросать... И у придворного мага вряд ли останется много времени на изобретения и усовершенствования.

Тут Эбигейл совсем пригорюнилась. Магистр Корнелиус потому и взял себе двух помощников, что совершенно не имел времени на магические разработки. Огромный зал-мастерская за его кабинетом использовался, дай Пряха, на сотую часть.

Магистр сопровождал королеву при визитах и обеспечивал магическую защиту. Присутствовал на королевском совете, давал оценку магическим изобретениям, творил лично для её величества разные заклинания и готовил зелья. Каждый день подписывал кипу каких-то бумаг и надиктовывал горы писем. Два года Эби слышала, как он сетовал на рутину и отсутствие времени на собственные проекты, а последнее время вслух мечтал, чем займётся после отставки. Эти размышления навеяли на Горни грусть и толику сомнения – стоит ли вообще эта должность того, чтобы за неё бороться?

С другой стороны – это почётно. Эби представила лучшего от гордости папу и всю родню, смотрящую на неё с уважением – ещё бы, Горни никогда так высоко не взлетали, ибо короли Эринетты старались не выделять ни одно из враждующих семейств. Опять же, она, а значит, весь род, утрёт нос этим выскочкам Вудхаусам и конкретно Белоручке Нату. И деньги! Пусть Горни не бедствовали, но когда это гном откажется от звонкой монеты? Да и жалованье придворного мага пойдет на ее изобретения и редкие ингредиенты, на которые до сих пор она просила у папы, ибо денег от продажи амулетов не хватало. А дядюшки что-то ещё говорили о протекции при продвижении их, гномских, дел и начинаний. Тут она немного задумалась о законности сего рода сделок, но отмахнулась – папа плохого не сделает, по крайней мере, для своей бусинки.

– А время на амулеты я найду, – сказала вслух не совсем уверенно. – В конце концов, мэтр Корнелиус – он же старый. Ему целых пятьдесят два года! А я молодая, успею больше.

И с этими утешительными мыслями Эбигейл улеглась, сунула под голову кожаную подушечку, укрылась и уснула.

Проснулась она от странных звуков. Кто-то страшно дышал ей в ухо и трогал за лицо холодными лапами. Даже не проснувшись толком, Эби метнула куда-то за плечо заклинание столбняка и только потом открыла глаза и огляделась. Костерок, так и горевший ровным невысоким пламенем, давал достаточно света, чтобы разглядеть местность на пять локтей от неё. Ничего похожего на зверя, человека или монстра. Эбигейл пожала плечами и решила на всякий случай ощупать всё вокруг руками – вдруг на том, кого она услышала, было заклинание невидимости? Руки натыкались только на то, что видели глаза – рюкзак, камень, одеяло.

– Ничего не понимаю! – пробормотала Эби, укладываясь обратно и пытаясь заснуть. Однако через короткое время опять послышалось сопение и топотание.

– Тролленок, что ли, привязался? – сонно подумала Горни. Надо бы ему дать монетку, но спать очень хотелось. Бояться она и не подумала – вот ещё. Гномке и магичке бояться в горах – это просто смех какой-то. Пусть Вудхаус боится, если когда-нибудь сюда попадёт, конечно. Незвестный между тем опять сопел в ухо.

– Я хочу спать! – проревела Горни и вскочила. Толстый сурок, с упитанного бобра размером, доселе, видимо, прятанный под рюкзаком, деловито продолжал тянуть вещи из него, перегрызая лямку с замком.

– Вот же наглец, – восхитилась Эби. – А если я тебя сейчас в камень превращу?

Но вместо этого достала из недр мешка кусочек сыра и лепешку, отнесла по другую сторону костра вместе с сурком и строго приказала, стараясь не улыбаться:

– Жри. И учти – больше не дам. Ещё раз разбудишь – заколдую! – она на всякий случай создала вокруг костра невидимую стену, устроилась поудобнее и наконец-то заснула спокойно до самого рассвета.

Глава 7

О том, как важно хорошо подкрепиться

Визит нашего оркского гостя сулит прорыв не только в экономике нашего славного города, но и продвинет вперёд культуру. Ведь орки любят путешествовать, так пусть все дороги ведут к нам! При правильной постановке дела мы сможем совершенно преобразить Вемлис. Гостиницы, стоянки для паромобилей и воздушный порт дирижаблей – только ничтожная часть будущих ослепительных перспектив!»

Из статьи мэра в «Новом времени Вемлиса».

Все следующие дни Эбигейл упорно лезла по горам, карабкалась, скользила вниз на спусках на воздушной доске, почти не отдыхая, только два раза устроив небольшой привал возле прозрачных горных ручьёв. И наконец через несколько дней к закату дошла до крутого перевала, за которым, как утверждал магический компас, лежала эта лошадиная долина.

– Интересно, что сейчас поделяывает Вудхаус? – спросила у себя Эби, когда отправила письмо с отчетом магистру. На миг ее посетило видение, как Натаниэль стоит за плечом наставника, которому нажаловался, и с удовлетворением смотрит, как тот читает ее откровенное вранье о совместном с эльфом путешествии и разочарованно качает головой.

Но тут же она мотнула головой – Вудхаус всегда решал свои проблемы сам.

Она настороженно оглядела горы, будто Нат мог появиться на склоне в любой момент, и быстрее затопала вверх по расщелине.

Однако после захода солнца темнело в горах быстро, и даже магический ночной взор не помогал. Эби цеплялась ботинками за камни, запинаясь и чуть не упала, чудом сбалансировав. Кроме того, хотелось пить, есть и еще кое-что, так что она остановилась там, где распадок становился шире и даже переходил в скальный уступ. Там сгущалась тень, будто...

– Похоже, пещера, – обрадовалась Эбигейл, ускоряясь. – Отлично, там и заночую.

Она рассчитывала на углубление в скале или небольшую пещерку, однако попала в настоящие хоромы. За первой пещерой, в которой прямо из каменного потолка бил небольшой водопад, образуя в полу углубление в виде ванны и уходя ручьем вниз по склону, была вторая, большая, сухая и теплая. А в ней... горел костёр и булькал котелок, от которого пахло сытной ухой! Этот запах показался сейчас желаннее горячего копчёного окорока и поджаренной грудинки!!!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.